

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум).

Предисловие.

С братской любовью к Владыке Митрополиту Антонию предпосылаю своих
несколько слов его богоумдрым словам и размышлениям.

Прежде всего, читая его поучения мы должны знать и помнить, что это всегда
устное слово, обращенное к живому слушателю и рассчитанное на живое общение
в храме в молитвенной обстановке.

Владыка Антоний говорит просто и не стремится к «захватывающему эффекту»,
чем грешат современные проповедники, желающие более на себя обратить
внимание. Владыка же подражает Святому Апостолу Павлу, который говорит, что
«И слово мое и проповедь моя не в убедительных словах человеческой
мудрости, но в явлении духа и Силы» (I Кор. 2, 4). И действительно, слово
Митрополита Антония производит сильное впечатление на слушателей, коим и я
не раз был, потому что оно отражает его личный духовный опыт. Владыка не
просто говорит правильные слова, не просто поучает как надо жить, но
свидетельствует нам от своего духовного делания, открывая часто слушателям
свои личные переживания тех истин веры и благочестия, о которых
проповедует. Именно эти сокровенные переживания веры и придают словам
Владыки Антония убедительность и делают излишними всякого рода
софистические рассуждения. Его проповедь исполнена Христовой любви к
человеку, она – возвещение Благой Вести о Вечной Жизни.

Владыка Антоний весьма известный в современном мире проповедник. Его талант
учительства общепризнан. Его проповеди обращены не к узкому кругу людей, но
он открыт ко всем людям. И это придает его слову Евангельский дух и
Апостольский характер: «Итак идите, научите все народы, крестя их во имя
Отца и Сына и Святого Духа» (Мф. 28, 19).

да благословит Господь и впредь «служение Слову» (деян. 6, 4) дорогого
брата нашего Высокопреосвященнейшего Митрополита Антония.

А это издание его воскресных проповедей, уверен, будет желанной духовной
пищей, укрепляющей читающего на пути к Царству Небесному.

6/19 ноября 1995 г. Неделя 23-я по Пятидесятнице.

О проповедничестве.

За последние лет 25, вероятно, я положил себе правилом заранее не
прочитывать Евангелие, которое будет читаться за службой. Разумеется, все
эти чтения я все равно знаю почти наизусть, так что это не бывает «вдруг»
совсем неизвестное благовестие: но я стараюсь читать его вслух народу,
потом продолжать служить литургию и дать этому тексту дойти глубоко до
меня. Опыт мне показывает, что каждый раз евангельское слово рождает
какой-то ответ, и я тогда просто, выходя на проповедь, говорю: «Мы читали
то-то, и вот что я хочу вам сказать об этом...» – именно то, что меня
задело.

Один раз было – как вам сказать? – очень печально. Я был в миноре, усталый,
я прочел текст, и он до меня не дошел. И в течение всей службы я переживал
с ужасом тот факт, что Господь ко мне обратился со Своим словом, а у меня
ничего не дрогнуло в душе. Когда пришло время проповедовать (я всегда
проповедую перед отпустом), я вышел и сказал: «Вот что случилось. Вы
понимаете, какой это ужас: Господь мне говорит какие-то слова, а все, что я
могу Ему ответить, это: Не доходит, мне нечего Тебе отвечать. Слова как
будто падают на каменную почву...» Я сказал так, и это тоже была проповедь,
причем такая, которая соответствует опыту многих. Несколько человек из
прихожан говорили мне: «Спасибо, что Вы это сказали, потому что и с нами
это бывает, но мы никогда не посмели бы это высказать».

К проповеди не готовятся, просто засев за письменный стол и окружив себя
толкованиями святых отцов. Когда отцы говорили, их слово шло из сердца, они
кричали из глубины своего опыта. Если мы будем просто повторять то, что они
говорили, никуда не достигнет их крик. Если слово, которое ты говоришь в
проповеди, тебя ударяет в душу, если глубоко вонзается, как стрела, в твое
собственное сердце, оно ударит в чужую душу и вонзится в чужое сердце. Но
если проповедник будет говорить вот «этим людям» то, что ему думается, «ким
полезно знать», то большей частью это будет бесполезно, потому что ума это,
может быть, коснется, но жизнь ничью не перевернет. Конечно, надо иметь
какое-то знание, конечно, надо понимать, о чем говорит Евангелие или
отрывок Священного Писания, но этого мало. Если твоя проповедь тебя самого
не ранит в самые глубины, если ты не предстоишь в ужасе перед Богом и не
говоришь в Его имя (может быть, себе в суд или осуждение, но во спасение
другим), то такая проповедь ничью жизнь не переменит.

Неделя 31-я по Пятидесятнице. Исцеление слепого

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Перед Крещением Господним, перед тем славным днем, когда Христос пришел на берега Иордана креститься от Иоанна, святой Иоанн Креститель призывал всех к нему приходящих к покаянию, то есть к тому, чтобы отвернуться от всего, что делало их недостойными собственного человеческого звания, недостойными Бога, призывал их к тому, чтобы предаться Богу всей душой, всем умом, всем сердцем, всей волей – и всей крепостью и слабостью своей.

И так же Церковь, перед началом вскоре наступающего Поста, предоставляет нам несколько подготовительных недель, когда из недели в неделю будут явлены нам самые обыкновенные, но и самые разрушительные грехи, которые нам мешают стать Божиими людьми.

Перед началом этих подготовительных недель вспоминается слепой Вартиней, которого Господь исцелил от приобретенной слепоты. Таковы и мы; мы не слепы от рождения, – мы делаемся слепыми, потому что видимое нам закрывает взор к невидимому. И вот, мы должны в течение этой недели поставить перед собой вопрос о нашей слепоте и о прозрении. Прозреть нам надо во многих отношениях. Нам надо научиться видеть в себе зло, которое делает нас мелкими, недостойными даже человеческого звания, не говоря уже о том, что оно нас делает неспособными приобщиться Божественной природе, – что является нашим призванием. Но мы должны также научиться видеть в себе образ Божий, ту святыню, которую вложил в нас Господь и которую мы должны уберечь, укрепить, которой мы должны дать воссиять полным светом через подвиг всей жизни.

Мы должны также научиться по-новому взглядывать в нашего ближнего. Мы слишком легко видим его недостатки; мы должны, в течение этих дней и последующих недель, научиться так всматриваться в глубины каждого нашего ближнего, чтобы увидеть в нем этот святой, Божественный образ, и научиться благоговейно, трепетно относиться к каждому человеку вокруг нас.

Но для того, чтобы видеть, нам порой нужно посмотреть на себя в зеркало; какое же зеркало у нас есть? – Евангелие. В Евангелии мы видим совершенного Человека Иисуса Христа, каким мы призваны стать. И мы видим вокруг Него и праведников и грешников: и грешников погибающих, и грешников в покаянии спасающихся. Давайте читать Евангелие благоговейно, вдумчиво, серьезно, с тем, чтобы через него увидеть в себе и все светлое, и все темное, чтобы научиться видеть и в других тот невечерний, неумирающий свет, которого никакая тьма не может заглушить ни в нем, ни в нас. И тогда мы сможем устремиться через подготовительные недели Великого Поста к дивным дням Страстной седмицы и к воскресению Христову. Аминь.

13 января 1991 г.

Неделя 32-я по Пятидесятнице. О Закхее

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

На прошлой неделе мы слышали рассказ о слепом Вартимее. Этим рассказом Церковь напоминала нам о том, что мы все слепы: не физической слепотой, а духовной; и напоминает нам, что избыть эту духовную слепоту мы можем, только если обратимся к Единственному, Который имеет власть нас исцелить, Который является светом во тьме, Который является жизнью и целостью жизни.

Если мы над этим задумались (как мы должны были сделать) на прошлой неделе, то мы теперь начинаем, может быть, прозревать нечто в себе: хотя бы нашу греховность, хотя бы нашу несостоятельность, хотя бы то, что у нас голод есть, но что побеждается этот голод косностью, леню, страхом. И сегодня, в рассказе о Закхее, мы видим, в чем заключается этот страх. Чего мы ищем больше: одобрения людей или встречи с Богом? Чего мы хотим больше: того, чтобы не стать посмешищем, чтобы никто от нас не отворачивался из-за того, что мы выбрали Бога против всего, – или хотим мы Бога любой ценой?

Святой Иоанн Лествичник говорит нам, что тщеславие, то есть искание

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org одобрения человеческого при безразличии к суду Божию, является ненавистью к Богу и трусостью перед людьми: каково наше положение? Конечно, не люди над нами смеются в обществе, в котором мы живем, не они нам страшны, но нам страшно столько в нас самих! Люди нас простят за то, что мы ищем Бога – лишь бы мы не были им вызовом и оскорблением; готовы ли мы на это? Готовы ли мы всем строем нашей жизни быть вызовом и оскорблением, готовы ли мы на это? Готовы ли мы всем строем нашей жизни быть вызовом той жизни, которую безбожный мир и каждый из членов безбожного мира, включая нас самих, строит? Готовы ли мы встретить в себе самих противоречия нашего искания Бога? Готовы ли мы отвергнуть помышления, чувства, желания, страхи, которые действуют в нас, ради того чтобы сказать: «нет! Пусть смеются надо мной люди, пусть все, что во мне есть прошлого, безбожного, чужого Богу, восстает, а я все-таки буду искать Бога, Который единственный может быть праведным судьей надо мной»... Тщеславие мы должны отринуть как отвержение Божиего суда, как отрицание права нашей собственной совести с нами говорить именем Божиим.

В другом месте Евангелия сказано: примиряйся с твоим соперником, пока ты еще на пути, пока он тебя не поставил перед лицом судии, потому что тогда будет поздно... И отцы нам говорят, что соперник этот – наша совесть, которая в течение всей жизни нашей нас обличает в том, чего мы не делаем, или в том, что мы творим.

Обратим внимание на это; это второе предупреждение на пути, который нас ведет к началу Великого поста. Теперь время покаяния, теперь время очнуться, теперь время начать! Положим же начало благое – снова, если положили его на прошлой неделе, или положим его теперь, если еще не клали. И изо дня в день, из недели в неделю будем слушать, прислушиваться к нашей совести, искать Бога и правды Его; и только тогда сможем мы вступить очищенными или, во всяком случае, готовыми в Великий пост. Аминь!

20 января 1991 г.

Неделя 33-я по Пятидесятнице. О мытаре и фарисее

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы слышали сегодня притчу о мытаре и фарисее. В этой притче Спаситель говорит: «И пошел из храма мытарь более оправданный, нежели фарисей...» Неужели это значит, что вся добродетель, подлинная добродетель фарисея не значит ничего перед Богом, а один только вздох мытаря спас его и превознес над праведным фарисеем?

Нет; церковная песнь нам говорит, что мы должны избежать горделивых слов фарисея и научиться высоте мытарева смирения. И одновременно Церковь говорит, что нам надо научиться подлинной, истинной добродетели; но если она нам – повод для превозношения, лучше бы ее не было, лучше бы не было ничего, кроме глубокого, скорбного сознания нашего недостоинства перед Богом.

Мы призваны быть славой Божией; мы призваны так жить, чтобы, видя наши добрые дела, люди воздали славу, хвалили нашему Богу, дивились бы Тому, Который нас, таких же, как другие люди, может научить такой святости, такой добродетели, какую мы видим во святых. Но одновременно эта же добродетель должна привести нас к сознанию, что Бог бесконечно свят, бесконечно велик, и нам перед Ним нельзя хвалиться той добродетелью, которую без Него мы никак не могли бы исполнить. Добрые порывы в нас бывают; а сила их совершить, сила так прожить жизнь, чтобы она была сиянием славы Божией, может нам быть дана только Божией милостью.

И вот почему нам надо, с одной стороны, изо всех сил бороться, чтобы наша жизнь была непорочна, чтобы, глядя на нас, люди дивились, чему нас научил Господь; и одновременно, потому что, борясь за чистоту, за свет, за добро, за правду, мы осознаем все более и более, что свят един Иисус Христос, что только Вот до предела прекрасен, мы должны научиться поклоняться Ему в смирении, в любви, в радости и воздавать славу Ему одному.

Один вздох, действительно, спас мытаря, один крик спас разбойника на кресте; одного слова из глубин нашего сердца достаточно для того, чтобы нам

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org раскрылась Божия любовь: но мы не можем заменить этим последним криком долг целой жизни. Мы не имеем права рассчитывать на то, что, прожив жизнь кое-как, не достойно ни себя, ни Бога, в последнее мгновение сможем сказать: Боже, милостив буди мне, грешному! – и что Бог поверит нам в этих словах. Бог услышит любое слово из глубин сердца, но не расчетливое слово, не такое слово, которое мы скажем как бы в надежде, что одним пустым словом заменим целую жизнь. Поэтому вдумаемся в эту притчу. Сейчас время, когда Церковь нас готовит познать себя с тем, чтобы приступить к Посту уже приготовленными. Аминь.

1976 г. или ранее

Неделя 34-я по Пятидесятнице. О блудном сыне

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Каким образом можно «перевести» эту притчу, такую богатую и такую дивную, в понятия, которые относятся непосредственно к нам? Сейчас я попробую сделать это еще раз.

Как часто случается, что мы разрушаем глубокие, полные значения и смысла отношения, потому что привыкаем, что любящий нас человек дает, – дает щедро, дает постоянно, никогда не вспомнив о себе: просто дает; и как легко постепенно забыть дающего, помня только дары. Это случилось с блудным сыном, но это случается так постоянно в наших человеческих взаимоотношениях.

Взаимоотношения устанавливаются, потому что каким-то чудом мы вдруг человека увидим, действительно видим человека очами души во всей его красоте, в полном значении этого слова; и затем этот человек являет жизнью и величие, и щедрость души, и жертвенность. А потом постепенно человек для нас все больше утрачивает значение, а дары его – или ее – становятся все более вседовлеющими. Я не имею в виду дары вещественные; я имею в виду тепло, и ласку, и понимание, и столько других вещей. Источник забывается, обесценивается, и «важна» только вода, текущая из него ручейками.

И если мы и дальше продолжаем так относиться, то мы все больше и больше отрываемся от человека; человек существует для нас все меньше и меньше. Блудный сын сказал своему отцу: «Отдай мне то, что будет моим, когда ты умрешь»; иными словами: «Давай согласимся, что ты больше для меня не существуешь; мне нужно только то, что ты можешь дать...». И как блудный сын, мы тогда некоторое время живем из полученных даров; наше сердце еще согрето теплом, которое нам было дано, наш ум все еще живет богатством былого общения. Но постепенно и это истощается, потому что уже не питается от источника, и затем превращается в воспоминание, и мы делаемся голодными.

Все то время, что мы могли проживать полученные дары, мы были окружены людьми, которые хотели поживиться от того, что мы получили: мы были, как блудный сын, окружены людьми, которые облепляли его, пока он был богат богатством своего отца. Но когда ничего от богатства не осталось, они отпали. И осуждение вошло в его жизнь вторично: он отверг одно человеческое взаимоотношение, а теперь сам был отвергнут другими; он остался один... Он старался как-то пропитаться, но питаться было нечем, и он ходил изголодавшимся.

И вот часто в нашей жизни случается, что, оторвавшись от источника взаимоотношений, оказавшись отвергнутыми теми, которые думали, что они могут бесконечно пить от ручееков, струящихся через нас, мы оказываемся изголодавшимися. Если бы только в это мгновение мы могли осознать, что то, что мы забыли и утратили, – это качество живых отношений с Богом и живых отношений с людьми, которые нас окружают!

Мы не можем всю жизнь жить на подарках; жизнь возможна только в отношении к Богу, и в отношении к людям, как бы в непрерывном взаимообмене, когда мы столько же подарили, сколько и принимали щедрости людской и Божией. Но когда нам голодно, когда мы в отчаянии, когда мы, изголодавшись, умираем, – всегда ли мы вспоминаем, что мы отвернулись от Бога, от Живого Бога? Что мы отвергли живой Хлеб Небесный? Что мы создали с окружающими людьми ложные отношения, раздавая то, что не было наше, что было взято в то мгновение, когда оно было дано?

И тогда, значит, настало время нам задуматься глубоко и внимательно над самими собой, и понять, что мы согрешили против Неба, согрешили против отца, против брата, против ближнего, против сестры – против всякого человека вокруг нас. Согрешили – значит, порвали связь, стремясь освободиться от них, – нет, не совсем, – стараясь не иметь с ними отношений дарующего, а относясь, как побиушка, пиявка.

И тогда, значит, настало время возвращаться: домой, туда, к тем, кто питал нас, давал щедро, заботился, и, в конечном итоге, к Богу, Источнику всех благ.

Но так часто, пытаясь вернуться, мы встречаем не отца заблудшего сына: мы встречаем старшего брата, того, который никогда не имел подлинного взаимоотношения любви, дружбы, ни с нами, ни с отцом. Мы встречаем того, который может похвалиться, что он всегда был добросовестным, честно «работал» в доме отца, делал все, что нужно – но безразлично: выполнял, как выполняют обязанность, которой не избежишь, или же как сделку: как работу за плату, работу ради обеспеченности, труд в обмен за принадлежность к «дому», за обеспеченность.

Нам надо, задуматься над этим; потому что в нашем опыте человеческих отношений мы не всегда только блудный сын; мы так часто являемся старшим братом, и приходящего к нам и говорящего: «Я выпал из общения с тобой по своей вине, я вел – или вела – себя паразитом, я хочу теперь быть другом!» – встречаем словами (или жестом): «Было время, я тебе был другом! Было время – мы жили в общении, которое мне было драгоценено, – ты разбил, разбила его! Раны мои зажили, не хочу я больше раскрыться! Для меня ты – прошлое; ты мертв, мертв; иди к другим, чтобы они вернули тебя к жизни...» Как часто мы являемся старшим братом?

И мы поступаем так непохоже на отца, который ни в какую минуту не переставал любить заблудшего сына, даже в момент, когда этот заблудший отрекся от него, отверг его, ждал, «когда же ты умрешь», чтобы распоряжаться всем, что этот человек накопил годами труда, мудрости, годами жертвенной любви. Отец никогда не переставал любить; старший брат перестал – или, вернее, никогда и не любил, только имел «деловые» отношения с теми, кто его окружал.

А отец вперед бежит, чтобы встретить заблудшего: случалось ли нам когда-либо поступить так? Когда кто-то оскорбил нас глубоко, жестоко, – сделали ли мы когда-либо первый шаг, помня, что потерпевшему обиду легче сделать первый шаг, потому что он не унизителен, он не чреват страхом: а вдруг меня отвергнут? – тогда как обидчик в ужасе от предстоящего унижения, а может быть, и отвержения... Сделали ли мы когда-либо первый шаг, чтобы вернуть к жизни того, кто духовно, человечески мертв? Готовы ли мы были дать ему первую одежду, то есть окутать его былым взаимоотношением? Готовы ли мы были, когда он промотал наше сокровище, унизил нас, обокрал нас, доверить ему наш перстень, дающий ему власть над нашей личностью, нашим имуществом, нашей честью? Дали ли мы ему, как говорит притча, обувь на ноги его, чтобы он мог ходить, и ходить безопасно?

Задумаемся в таких категориях; и если мы так задумаемся, каждый из нас сможет обнаружить, на чем он стоит; в каждом из нас переплетаются все элементы этой трагической и дивной притчи. Но недостаточно обнаружить это; обнаружив, кто мы, мы должны сделать что-то; мы должны принять решение, мы должны отречься от той личности, которой мы были до сих пор, вернуться, и просить о прощении, о милости. Просить прощения у Бога легко, потому что Бог видимо, осязаемо никогда не отсылает нас пустыми от Себя, никогда не говорит нам «уйди от Меня!» Но просить прощения у тех, которых мы оскорбили, и которые обидели нас...

Подумаем над этим: на следующей неделе мы будем вспоминать падение человека, вспоминать, как человечество утратило рай, единство с Богом, единство друг с другом, гармонию с тварным миром, – все потеряло. Сегодня – последнее предостережение; мы можем сделать что-то в течение наступающей недели – не все, но что-то, так, что когда мы предстанем перед Судом, мы бы взглянули на Судью и сказали: «Оправдания мне нет, – но я сделал, что мог; помилуй и спаси!» Аминь.

11 февраля 1990 г.

Неделя 35-я по Пятидесятнице. О Страшном суде

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня вспоминается день Страшного суда Господня; что страшного в этом суде? Неужели то наказание, которое нас может постигнуть? Нет! В каком-то смысле наказание облегчает тяжесть нашего греха; наказанный чувствует, что он выплатил свой долг, что теперь он может идти свободно. Страшное в этом суде то, что мы станем перед Живым Богом, когда уже будет поздно что бы то ни было менять в нашей жизни, и обнаружим, что прожили напрасно, что за нами и в нас – только пустота, бессмысленность жизни. Весь смысл жизни был в том, чтобы любить живо, активно – не сентиментально, не чувствами, но делом: любить, как Христос сказал: тот, кто любит, должен свою жизнь положить за тех, кто нуждается в любви; не за тех, кто мне дорог, а за того ближнего, кому я нужен... – вдруг мы обнаружим, что прошли мимо всего этого. Мы могли любить Бога, мы могли любить своего ближнего, мы могли бы любить себя, то есть относиться к себе с уважением, видеть в себе все величие образа Божия, все величие нашего призыва стать причастниками Божественной природы (2 Пет. 1, 4), – и мы прошли мимо всего этого, потому что легче было прозябать, а не жить, легче существовать безжизненно.

Что было бы, если бы кто-либо из нас вернулся домой – и увидел, что самый дорогой ему человек лежит убитый? Вот момент ужаса, вот момент, когда человек понял бы, что такое любовь, и что теперь поздно, что этому человеку любви больше не дать, у него отнята самая жизнь... Каково было бы нам?! И когда мы станем перед Христом, разве мы не увидим, что мы ответственны за Его распятие всей нашей жизнью, всяя тем, как мы свою жизнь прожили недостойно и себя, и Его, и ближнего нашего. Мы увидим, что убийца не тот, который сбежал до нашего прихода домой, что убийца – это я!

Каково будет стать тогда и стоять перед Христом? Тут не в наказании дело, а в ужасе о себе. У нас есть время; Христос нам говорит, что суд будет без милости тому, кто не оказал милости, что напрасно мы говорили бы, что любим Бога, если мы своего ближнего не любим, что это – ложь. И Он говорит нам сегодня, в чем заключается любовь к ближнему, которая переносится на Него; потому что служить любому человеку, другому человеку, это Его радовать, это Ему служить!

Подумаем! У нас есть покаяние, то есть обращение от земли на небо, обращение сердца и ума, поворот; и этот поворот зависит от нашей воли и от нашей решимости. Святой Серафим Саровский говорил, что между погибающим грешником и спасающимся святым разница только в одном: в решимости. Есть ли у нас таковая? Готовы ли мы с решимостью действовать?

И еще: через неделю мы здесь соберемся на службу прощения; мы будем просить прощения и давать прощение. Но просить прощения без того, чтобы принести плоды покаяния, – бессмысленно; оставаясь такими, какие мы есть сегодня, просить прощения за то, какими мы были вчера, нет смысла! Нам надо продумать свою жизнь, себя: в чем мы виноваты перед каждым отдельным человеком, и решить это менять; и просить прощения не с тем, чтобы чувствовать, что мы теперь свободны от прошлого, а с тем, чтобы взяться за новое; по-новому начать жить, в новом соотношении с теми людьми, которых мы унижали, обижали, обирали духовно – и всячески.

И когда мы будем давать прощение, мы должны это делать ответственно. Давайте продумаем нашу жизнь, поставим вопрос, что было бы, если бы вот теперь, сегодня нам пришлось стать перед Богом – и увидеть, что мы – пустота, что мы прожили бессмысленно и напрасно. И что было бы, если теперь, стоя перед Богом в этой пустоте, мы посмотрели бы вокруг и увидели, что наше спасение зависит от тех, которые готовы нас простить, и от того, способны ли мы простить – и что ни они, ни мы на это не способны.

Давайте подумаем; потому что это дело не проповеди, не чтения Евангельского, это дело жизни и смерти: выберем путь жизни! Аминь!

10 февраля 1991 г.

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Из «земли чуждей» мы сейчас идем в страну славы, на встречу с Живым Богом, как дети Его Царства. И этот храм сейчас является нам образно картину нашего положения: мы стоим в полуумраке, и видим Святая Святых Бога, Его собственное место, алтарь, залитый светом Славы. Мы знаем, что Христос принес свет в мир, что Он – Свет, а мы – дети Света. И вот теперь мы устремляемся из тьмы в полуумрак и из полуумрака – в блистающую славу нетварного Божественного Света.

Во всяком путешествии, когда мы только что покинули привычное место, мы еще полны привычных чувств, воспоминаний, впечатлений; а потом они постепенно бледнеют, пока в нас не останется ничего, кроме устремления к цели нашего пути.

Вот почему на первой неделе Поста читается покаянный канон Андрея Критского; в последний раз мы задумываемся о себе; в последний раз мы отрясаем пыль со своих ног; в последний раз мы вспоминаем о неправде прежних лет.

И прежде чем приступить к Торжеству Православия, когда мы вспоминаем, что Бог победил, что Он пришел и принес правду в мир, принес жизнь, и жизнь с избытком (Ин. 10, 10), принес и радость, и любовь, мы в последний раз обращаемся на самих себя и к другим, чтобы испросить друг у друга прощения: освободи меня от уз, которые сплетены моим недостоинством и которые сковывают меня; от уз, которые сплетены из греховных дел и греховного небрежения, из того, что мы сделали другим, и того, чего не сделали, а что могло принести столько радости, столько надежды, и явить, что мы достойны Божией веры в нас...

Поэтому в течение наступающей недели оглянемся на себя в последний раз, взглянем друг на друга и помиримся. Мир, примирение не означают, что проблем не стало; Христос пришел в мир, чтобы примирить его с Собою, и в Себе – с Богом; и мы знаем, какой ценой это Ему обошлось: беспомощным, уязвимым, беззащитным Он отдал нам Себя, говоря: делайте со Мной, что захотите; и когда вы совершите последнее зло, – узрите, что Моя любовь не поколебалась; она была и радостью, она была и пронзающей болью, но это всегда только любовь...

Это пример, которому мы можем, которому мы должны следовать, если хотим быть Христовыми. Прощение наступает в момент, когда мы говорим друг другу: я знаю, как ты хрупок, как глубоко ты ранишь меня, и потому, что я ранен, потому, что я жертва – иногда виновная, а иногда и невинная – я могу повернуться к Богу и из глубины боли и страдания, стыда, а подчас и отчаяния я могу сказать Господу: Господи, прости! Он не знает, что он делает! Если бы только он знал, как ранят его слова, если бы только он знал, сколько разрушения он вносит в мою жизнь, он не сделал бы этого. Но он слеп, он не созрел, он хрупок; и принимаю его, я понесу его или ее, как добрый пастырь несет погибшую овцу; потому что все мы – погибшая овца Христова стада. Или же я понесу его, ее, их, как Христос нес крест: до смерти включительно, до любви распятой, когда нам дана вся власть простить, потому что мы согласились простить все, что бы нам ни сделали.

И вот вступим в Пост, как идут из густой тьмы в рассеивающийся сумрак, и из сумрака в свет, с радостью и светом в сердце, отрясая прах с ног, сбрасывая все путы, держащие нас в плену: в плену у жадности, в плену у зависти, страха, ненависти, ревности, в плену взаимного непонимания, сосредоточенности на себе – потому что мы живем в плену у самих себя, тогда как мы призваны Богом быть свободными.

И тогда мы увидим, что шаг за шагом мы движемся как бы через большое море, прочь от берегов мглы и сумрака к Божественному свету. На пути мы встретим распятие; и в конце пути придет день, – и мы будем предстоять перед Божественной любовью в ее трагическом совершенстве, прежде чем она настигнет нас неизреченной славой и радостью. Сначала – Страсты, сначала – Крест; а потом чудо Воскресения. Мы должны войти и в то, и в другое; войти в Страсты Христовы вместе с Ним, и вместе с Ним войти в великий покой и блистающий свет Воскресения.

Себе я прошу у вас прощения за все, что я должен был сделать и не сделал,
Страница 7

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
за то, как я нескладно делаю вещи, и за многие, многие вещи, которые
следует сделать и которые остаются несделанными.

Но давайте поддерживать друг друга на этом пути взаимным прощением, любовью, и помнить, что на трудном пути, в момент кризиса очень часто нам протягивает руку человек, от которого мы не ожидали ничего доброго, которого мы считали чужим или даже врагом: бывает, он вдруг увидит нашу нужду и отзовется на нее. Давайте, поэтому, раскроем свои сердца и глаза, и будем готовы увидеть и отзоваться.

Подойдем теперь сначала к иконе Христа, нашего Бога и нашего Спасителя, Который дорогой ценой заплатил за власть простить; обратимся к Матери Божией, Которая отдала Своего Единородного Сына за наше спасение; если Она простит – кто нам откажет в прощении? А затем обратимся друг ко другу. А пока мы ходим, будем слышать уже не покаянное пение, но как бы настигающую нас еще издалека песнь Воскресения, которая станет громче на полпути, когда придет время поклонения Кресту, а потом заполнит этот храм – и весь мир! – в ночь, когда воскрес Христос, одержав победу. Аминь.

16 марта 1986 г.

Неделя 1-я Великого поста. Торжество Православия

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В день Торжества Православия мы празднуем церковное событие: заключение эпохи семи Вселенских соборов. На седьмом Вселенском соборе был провозглашен догмат об иконах, который говорит нам, что, став человеком, Бог стал изобразим, что воплощением Своим невидимый, непостижимый Господь приобрел человеческий лик, и что лик Божий может быть запечатлен линиями и красками; не как портрет, а как внутренний, таинственный образ Божий, познанный, пережитый, знаемый в Церкви.

Как это дивно: у Бога – лик, и этот лик мы можем созерцать; и перед иконой, которая выражает церковный опыт, церковное знание о Боге, мы действительно можем преклонить колена с любовью, с благоговением, с нежностью. Бог стал одним из нас, не переставая быть непостижимым, великим Богом, самой жизнью, самой Святыней, самой Непостижимостью. И вместе с этим по-новому озаряется слово Ветхого Завета о том, что мы созданы по образу Божию; каждый из нас – икона. Как это дивно! Взирая друг на друга, так же, как когда мы взираем на икону, мы можем взором веры, взором любви, взором богопочитания прозреть образ Божий.

Есть в Новом Завете слово о том, что нам надо отдавать кесарю кесарево и Богу – то, что принадлежит Богу. Сказано было это слово, когда Спасителю Христу был представлен динарий с запечатленным лицом, образом римского кесаря, и Он отозвался: отдавайте то, на что легла печать мира, печать власти, печать земли, тем, кому это дорого; а Богу отдавайте то, что запечатлено Его печатью... И каждый из нас – образ Божий, на каждом из нас эта печать, которая делает нас Божими, и этого мы не можем отдать никому – только Богу.

И сегодняшний праздник икон говорит нам не только о рукописных иконах, не только о том, что Бог изобразим, что Бог стал человеком и у Него человеческий лик и образ; но говорит также, как нам надо относиться к тому, что каждый из нас – святая икона Божия. Как должны мы относиться к себе и друг другу, если только мы это понимаем, если только мы можем об этом вспомнить! Бывают иконы оскверненные, попранные, изуродованные человеческой злобой; и эти иконы нам делаются так дороги, словно это иконы-мученицы; эти иконы нам хочется оберечь, окружить любовью, охранить, потому что они так пострадали от человеческой неправды... Так должны мы смотреть и друг на друга, когда человека изуродовал грех, когда человек ранен, когда так трудно в нем прозреть красоту и славу Божию; тогда-то нам надо глубоко взглянуться в этот святой и оскверненный образ, тогда-то надо приложить весь труд, всю любовь, все благоговение наше, чтобы эта икона, не на древе написанная, а в душе человека, в облике и в образе его, очистилась, исцелилась, вновь освятилась, стала иконой во славу Божию.

И вот, вступим сегодня во вторую седмицу Великого поста, в конце которой святой Григорий Палама будет провозглашать славу человека, будет говорить, что Божия благодать, живущая в человеке, почивающая на нем, касающаяся его, исцеляющая, творящая его новым, что эта благодать – Сам Бог, вселяющийся в нас. Как благоговейно должны мы глядеть друг на друга, как трепетно и благоговейно относиться друг к другу, невзирая на наши немощи, слабости, грехи, ибо мы – образ: оскверненный и, однако, освященный. Аминь.

7 марта 1982 г.

Неделя 2-я Великого поста. Святителя Григория Паламы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Подготовительные седмицы к Великому посту ставят нас перед лицом нашей греховности; Великий же пост, который в песнях церковных называется весной духовной, зовет нас духом подняться, в сердце и в уме расцвести радостью и благоговением перед Христом и Его спасительным делом – ведь мы спасены, потому что мы Им любимы, – и перед великими чудесами и делами Господними. В сегодняшнем апостольском и евангельском чтениях нам открывается Божество, несравненность и величие Спасителя. Кто может прощать грехи на земле, как только Бог? – спрашивают люди. И Спаситель, совершая чудо перед ними, утверждает, что так же, как Он может восстановить человека в плоти его, так же может Он восстановить и его цельность духовную, простив всякий грех, очистив от всякой нечистоты, восстановив в нем во славе и красоте Божий образ.

И еще: каждое воскресенье Великого поста будет говорить нам о том, как Господь изливает на нас Свою Божественную благодать. И мы называем ее Божественной по учению Православной Церкви, провозглашенному Святым Григорием Паламой, чей день мы сегодня празднуем. Он провозгласил, на основании опыта святых, что благодать Всесвятого Духа не есть нечто тварное, как это утверждают западные Церкви, а Самое Божество, изливающее на тварь, пронизывающее тварь до самых глубин, и делающее человека, по слову апостола Петра, причастником Божественной природы (2 Пет. 1, 4). Это учение, основанное на личном опыте святых и на опыте всей Церкви в ее совокупности, является, может быть, самой великой нашей радостью: мы способны не только стать духовносными в каком-то переносном смысле, но подлинно богоносныи, став, через благодать, которая есть Самое Божество, причастниками Божественной жизни и Божественной природы. Это – слава человеческая, это – призвание наше; и поэтому говорит и святой Ириней Лионский, что слава Божия, сияние Божие, Божие торжество – это человек, выросший в полную меру своего величия. Это наше призвание, это голос Божий, обращенный к нам, зовущий нас стать тем, чем Бог нас задумал, стать тем, чем Он нас восхотел.

Вступим же в Великий пост так, чтобы вырасти в полную меру нашего человеческого достоинства, чтобы в нас воссияла слава Божия и чтобы через нас эта благодать распространилась и на всю вселенную, потому что апостол Павел говорит, что вся тварь стонет в ожидании момента, времени, когда явится слава сынов Божиих, когда человек станет достойным своего звания и всю тварь введет в Царство Божие. Аминь!

3 апреля 1983 г.

Неделя 3-я Великого поста. Крестопоклонная

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Словами Священного Писания мы провозглашаем, что Господь Иисус Христос есть Царь, Пророк и Первосвященник всей твари.

Господь научил нас, что в христианской Церкви и царстве царь – не тот, который силой подчиняет себе других, чтобы привести их в безусловное и рабское послушание, но тот, кто служит другим и отдает жизнь свою за других. И святой Иоанн Златоустый учит, что всякий может править народом, но только царь может положить свою жизнь за народ свой, потому что он так отождествляется со своим народом, что у него нет ни существования, ни

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org жизни, ни цели, кроме как служить своему народу всей своей жизнью, а если нужно – и смертью.

И сегодня, поклоняясь Кресту Господню, мы с новой силой можем понять, с новой глубиной можем уловить, что означает царское достоинство и служение Господа нашего Иисуса Христа: оно означает любовь такую всецелую, такую совершенную, что Христос может позабыть о Себе совсем, неограниченно; позабыть о Себе до такой степени и отождествить Себя с нами так, что Он соглашается, в Своем человечестве, утратить чувство Своего единства с Богом, с источником вечной жизни, – больше того: с вечной жизнью в Себе Самом, и соединиться с нашей мертвостью, с нашей смертностью. Такая любовь делает Господа Иисуса Христа нашим достойным Царем; перед такой царственностью преклоняется всякое колено (флп. 2, 10)... И потому что Он таков, Он может быть и Первосвященником всей твари. Первосвященники языческого мира, первосвященники в Израиле совершили жертвоприношения, с которыми они отождествляли себя лишь в переносном смысле, символически, ритуально. Господь же Иисус Христос принес в кровавую жертву Самого Себя, хотя в Нем не было ничего, что осуждало бы Его на ту смерть, которую Он взял на Себя. Не говорит ли он в Своей Первосвященнической молитве, в присутствии и общении с учениками: Приближается князь мира, противник, и во Мне он не имеет ничего... Во Христе нет ничего, что принадлежало бы области смерти и греха. И Отцу Своему Он говорит: Я освящаю Себя за них, в священное жертвоприношение за Мой народ... Первосвященник, Сам принимающий заклание, освобождает все остальные твари от ужаса кровавого жертвоприношения, но тем самым и ставит нас перед бескрайностью, бездонной глубиной любви Божественной, которую иначе мы не могли бы себе и помыслить: жизнь, соглашающаяся быть истощенной, Свет, соглашающийся быть угашенным, Вечность, соглашающаяся умереть смертью падшего мира...

И поэтому Слово Божие может говорить нам как Пророк. Пророк – не тот, кто предвещает будущее; пророк – тот, кто говорит от Бога. Одна из книг Ветхого Завета говорит, что пророк – это тот, с кем Бог делится Своими мыслями. Христос может не только говорить от Бога, но воплощает в действии, воплощает в Своей жизни и в Своей смерти любовь Божию жертвенную, всецелую, совершенную, отдающуюся.

Вот почему почитание Креста – такое диво в опыте Церкви. Мы не будем никогда способны опытно узнать, что значило для Христа умереть на кресте, и даже наша собственная смерть не поможет нам понять, чем была смерть для Него: как Бессмертие может умереть? Но мы можем научиться, смелым и беззаветным усилием приобщаясь все более глубоко, все более совершенно жизни, и учению, и путям Христовым, можем научиться любить такой любовью, которая все больше и больше приближается к этой любви Божественной, и через нее познать то свойство, которым смерть – как забвение себя, всецелое и совершенное – соединяется с победой любви, воскресением и жизнью вечной. Аминь.

25 марта 1984 г.

Неделя 4-я Великого Поста. Преподобного Иоанна Лествичника

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Преподобный Иоанн Лествичник, память которого мы сегодня празднуем, говорит в одном из своих писаний: Мы не будем судимы, братия, мы не будем осуждены за то, что не творили чудес или не возглашали пророчеств; но мы осудимся за то, что не оплакивали своих грехов всю нашу жизнь...

Что же такое грех, если он должен родить в нас такое сокрушение сердечное, чтобы эта сердечная боль – не омрачала, но вдохновляла всю нашу жизнь?

Мы часто думаем, что грех – это нарушение нравственного закона, нарушение долга, неправый поступок. Но в грехе есть нечто гораздо более основное, что поистине должно вызывать у нас печаль, и более чем печаль: глубокую, острую боль.

Грех – это неверность, грех – это измена, измена и неверность и нелояльность Богу; потому что грех означает, что когда бы Бог ни обращался к нам, слова Его были маловажны, несущественны для нас, хотя говорил Он к нам из всей Своей Божественной любви, чтобы явить нам, как много мы для

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Него значим. Как высоко Он ценит нас, если отдал всю Свою жизнь и всю Свою смерть для того, чтобы спасти нас, и чтобы мы поверили в Божественную любовь!

Поэтому, когда мы грешим, это означает, что мы отворачиваемся от Того, Кто полюбил нас на жизнь и на смерть: и, как следствие, – что Его жизнь и Его смерть слишком незначительны для нас, чтобы мы отзывались на них с любовью, отзывались верностью и преданностью. И вот, в результате такого отношения мы беспрерывно нарушаем те законы жизни, которые ведут к жизни вечной, которые сделали бы нас подлинно, совершенно человечными – как Христос был подлинным человеком – в полноте гармонии между Богом и нами.

Но все конкретные грехи, которые мы совершаем постоянно, небрежность друг ко другу, безразличие друг ко другу, то, как легко мы судим и осуждаем, как отворачиваемся от нужды других, как мы небрежны к любви, предложенной и отдающейся нам, или к материальной и духовной нужде вокруг нас – все это от холодности наших сердец.

И не напрасно говорит Христос в сегодняшнем Евангелии: Такой дух изгоняется только молитвой и постом. Пост означает, что нужно отвернуться от всего, что соблазнительно прельщает нас и отвлекает прочь от любви, от лояльности и верности и разрушает нашу цельность. А молитва – это общение с Живым Богом, Который есть Любовь, и в Кем Одном только мы можем найти силы и крепость любить.

Понятно, поэтому, что когда человек, приводивший своего припадочного ребенка к ученикам, обратился ко Христу и сказал: Они не могли исцелить его, – Христос ответил: Приведи его ко Мне!.. Если только нас не приведут ко Христу, все остальные усилия будут тщетны.

И у нас может возникнуть вопрос: неужели мы так далеки от Бога, что должны оплакивать это разобщение в течение всей жизни?.. Но кто из нас посмел бы сказать, что сердце его в каждое мгновение жизни горит любовью и глубоким чувством пребывания с Богом, чувством близости Божией, общения с Ним?

По отношению к Богу мы должны бы быть наподобие влюбленных, когда во всякое мгновение, ночью и днем, наяву и во сне сердце ликует и трепещет любовью, которая переполняет его до краев, которая есть радость и ликование, мир и покой, крепость и дерзновение; такая любовь, когда мы можем глядеть вокруг себя и видеть каждого в новом свете, видеть Божественный образ, сияющий в каждом, кого мы встретим, и ликовать о нем.

Если же мы спросим себя: как далеки мы от Бога? – и даже не сумеем понять, каково это расстояние, потому что у нас так мало опыта близости с Ним, то поставим перед собой вопрос: какое расстояние отделяет меня от людей, меня окружающих? Сколько во мне есть верности, самоотдачи, сколько радости о ближнем? И, напротив, сколько во мне осуждения, безразличия, небрежности, забывчивости?.. И тогда мы сможем сказать: если это качествует во мне, значит, Бог для меня не средоточие всего. Бог для меня не Господь, владычествующий в моем сердце, и уме, и всем моем существе и жизни. И если мы подумаем о том, как мы колеблемся между зовом Божиим и хотениями нашего человечества, как мы прельщаемся злом, мы можем снова сказать: как я далек, как я далека...

И если только мы не найдем этой гармонии с Богом, мы будем оставаться разделенными и сломленными внутри самих себя; пока мы не нашли этой гармонии в Боге, мы будем разделены и друг от друга.

Вот почему святой Иоанн Лествичник зовет нас обратить абсолютное внимание на то, как мы относимся к Богу; потому что от этого зависит все остальное. Бог – как ключ гармонии, благодаря которому можно расшифровать и спеть мелодию; Бог, – говорит другой писатель, – как тонкая нить, связующая вместе цветы, которые иначе распадутся: как цветы, даже добродетели, даже красота, даже правда распадаются на куски, если нет этой дивной любви, ликования и радости, которые даются нам только в общении с Богом, потому что Он есть любовь, Он есть жизнь. Он есть правда, Он – радость, и свет, и ликование.

Обратимся поэтому к тому покаянию, о котором говорит святой Иоанн Лествичник: не к пустому оплакиванию прошлого, не к праздному, бесплодному сожалению о том, что мы не таковы, какими хотели бы быть; но к покаянию,

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
которое есть крик к Богу: Приди, Господи, и приди скоро!.. И если мы будем
кричать от всего сердца, от всего ума, от всей нужды нашей, – придет
Господь, и в общении с Живым Богом мы обретем себя, и все станет красотой:
мы вступили в Царство Божие. Аминь.

29 марта 1987 г.

Неделя 5-я Великого поста. Преподобной Марии Египетской

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы вспоминаем сегодня святую Марию Египетскую; и от нее мы можем научиться многому, что нам нужно. Она была всем известной грешницей, предметом искушения и соблазна для всех. Как она стала грешницей – мы не знаем: качествовало ли зло в ней самой? была ли она соблазнена, подверглась ли насилию? Как она стала блудницей, мы никогда не узнаем. Но одно мы знаем достоверно: как-то она пришла в храм Матери Божией, Которая – образ совершенной цельности, целомудрия, и вдруг почувствовала, что не может войти в него. Не стоит представлять, будто чудесная сила не давала ей переступить порог; сила эта была, вероятно, – наверное! – в ней самой. Она почувствовала, что эта область слишком свята, чтобы она посмела войти в Ее присутствие, стоять внутри храма.

Но этого было достаточно, чтобы она осознала, что все ее прошлое темно, и что выйти из этого можно только одним путем: сбросить с себя все зло и начать новую жизнь. Она не пошла за советом на исповедь; она ушла из города в пустыню, в знайную пустыню, где ничего не было, только песок, и голод, и отчаянное одиночество.

Она может научить нас чему-то очень важному. Святой Серафим Саровский не раз говорил приходящим к нему, что вся разница между грешником погибающим и грешником, который находит свой путь к спасению, в одном: в решимости. Благодать Божия всегда рядом: но мы не всегда отзываемся, как отзывалась Мария; как она отзывалась на ужас, охвативший ее, когда она осознала себя и, вместе, святость, красоту, цельность и целомудрие Матери Божией, и на все, на все она была готова ради того, чтобы переменить жизнь.

И так год за годом, в посте, в молитве, среди жгучей жары, в отчаянном одиночестве среди пустыни, она сражалась со всем злом, накопившимся в ее душе. Потому что недостаточно осознать его; недостаточно даже отвергнуть его усилием воли: оно здесь, в наших воспоминаниях, в наших вожделениях, в нашей хрупкости, в той порче, которую приносит с собой зло. Ей пришлось бороться всю жизнь, но в конце концов она победила; она действительно подвигом добрым подвизалась, она очистилась от скверны, она смогла войти в область Божию: не в храм, не «куда-то» – в вечность.

Она многому может научить нас. Она может научить тому, что когда-то мы должны осознать: та царственная область, куда мы входим так легко, – Церковь, да и просто сам мир, сотворенный Богом, остался чист от зла, хотя покорился, поработился злу из-за нас. Если бы когда-нибудь мы осознали это и почувствовали, что только нам нет там места, и в ответ покаялись бы, то есть отвернулись бы в ужасе от самих себя, отвратились от себя в непреклонной решимости – и мы могли бы последовать ее примеру.

Этот пример ее образа предлагается нам как завершающий момент постного времени, этой весны, жизни. Неделю назад мы слышали учение, призыв святого Иоанна Лествичника, составившего целую лестницу совершенства, с помощью которой мы можем преодолеть зло и прийти к правде. А сегодня мы видим пример, – пример той, которая из самых глубин зла поднялась на высоты святости и говорит нам словами Великого канона Андрея Критского: Душа, Бог может прокаженное убелить и очистить, не отчайся, хотя ты и прокаженная...

Пусть ее образ будет для нас новым вдохновением, новой надеждой, даже новой радостью, но и вызовом, призывом, потому что напрасно мы воспеваем хвалу святым, если ничему не учимся от них, не стремимся подражать им.

Через неделю мы окажемся на пороге Страстной седмицы, и этот порог открывается в субботу двумя событиями: воскрешением Лазаря и Благовещением Матери Божией. Войдем в эту Страстную седмицу с готовностью встретить Матерь Божию лицом к лицу хотя бы нашей решимостью стать достойными Ее

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org молитв, и затем пойдем день за днем, следя за событиями Страстной и ставя все время себе вопрос: Где я стоял бы, окажись я их участником? Аминь.

1 апреля 1990 г.

Неделя 6-я Великого поста. Вербное воскресенье. Вход Господень в Иерусалим Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Мы вступаем сегодня в страстные дни Господни, во время, когда сгустилась тьма и когда поднимается заря нового света, заря вечности, постижимая только тем, кто вместе со Христом вступает в эту тьму. Это – тьма и полумрак, сумерки, где перемешалась правда и неправда, где перемешалось все, что только может быть перемешано: Вход Господень в Иерусалим, такой торжественный, исполненный такой славы, одновременно весь построен на страшном недоразумении. Жители иерусалимские встречают Спасителя Христа с торжеством и ликованием, потому что ожидают, что Он освободит Свой народ от политического гнета; и когда окажется, что Спаситель пришел освободить людей и весь мир от греха, от неправды, от отсутствия любви, от ненависти, тогда от Него отвернутся с горечью, разочарованностью, и те, кто так торжественно Его встречали, обратятся во врагов. И в течение всей недели, все время тьма, сумрак чередуются с проблесками света...

И мы должны вступить в этот сумрак. Мы должны не только со Христом, но вместе со всеми теми, кто тогда Его окружал, войти в эти дни и найти свое подлинное место в этой тьме и в этом сумраке... Шаг за шагом мы можем следить за тем, что совершается со Спасителем Христом; но одновременно мы должны себе ставить вопрос: где мы стоим, где стою я, лично? Что у меня общего с Пречистой Девой Богородицей, Которая видит, как Ее Сын идет на погибель, как сгущается вокруг Него ненависть, как кольцо окружает Его: как страх и трусость, ненависть и ложь постепенно готовят Ему смерть? И как нам не понять, что может переживать Божия Матерь перед лицом предательства Иуды, отречения Петра, бегства учеников, лжесвидетельства на Сына Ее, суда неправедного, осмейния, избиения – и наконец, крестной смерти Спасителя Христа? Как мы на все это отзываемся? Когда мы услышали об этом в святом Евангелии, когда мы слышали весть об этом в церковной молитве и песне – с чем выходим мы из храма? Большой частью идем забыться, отдохнуть душой, отдохнуть телом, готовясь к следующей службе, или уходя вовсе в мирскую жизнь. А Страстная седмица длится изо дня в день, из часа в час, из мгновения в мгновение, – нет ей перерыва, она, как огненная река, течет, жгучим огнем попаляя все; одно сгорит, и ничего от него не останется, кроме пепла и позорного воспоминания, а другое устоит, как золото и серебро... Где мы будем тогда? Как переживем эти дни? С чем выйдем мы каждый раз из храма, и с чем встретим светлое Христово Воскресение? Оно – провозвестник нашей встречи в конце времен, нашей встречи после нашей смерти, со Христом, Который нас возлюбил до креста и Который нам поставил вопрос: А ты – отозвался ли на все, что тебе было дано знать о Божественной любви, воплощенной, распятой, воскресшей? Поставим себе вопрос о том, на кого из апостолов мы можем быть похожи? На Фому ли, который говорил своим соапостолам: Пойдем с Ним и умрем с Ним, если нужно?.. На Петра, который по страху отрекся от Него трижды? На Иуду, который Его предал? Где мы находимся в этой людской толпе? Кто мы? Поставим себе этот вопрос каждый раз, когда мы выйдем с богослужения, каждый раз, когда мы будем на него приходить: и тогда, может быть, что-нибудь проснется в нашей душе, что-нибудь дрогнет. Может быть, тогда эта Страстная седмица окажется и для нас, как в прошлом для стольких она оказывалась, началом: началом нового понимания, новых переживаний и новой жизни. Аминь.

Пасха

Христос воскресе!

Святой апостол Павел в одном из своих посланий говорит: если не воскрес Христос, то мы самые несчастные из всех людей... И действительно, если не воскрес Христос, то вся наша вера, все, что мы называем нашим духовным опытом, построено на лжи или на иллюзии.

И Христос воистину воскрес! Об этом мы знаем личным опытом; не только десятки, не только тысячи, но миллионы людей опытно в своей жизни испытали живое присутствие и прикосновение Самого Христа. Но мы верим также и в Его плотское, телесное воскресение, о котором свидетельствуют апостолы, говоря, что повествуют о том, что они своими глазами видели, своими ушами слышали, своими руками осязали (1 Ин. 1, 1).

И действительно, жены-мироносицы пришли ко гробу и нашли, что камень был отвален от гроба, и ангел призвал их войти и засвидетельствовать, что гроб пуст; за ними Петр и Иоанн пришли и также обнаружили пустой гроб и пелены, которыми был оббит Христос, лежащие опустошенными, пустыми, потому что тела Христова там уже не было. И вновь явился Христос Своим ученикам: Он с ними ел, Он с ними говорил, они прикасались Его воскресшему телу, они опытом своим, телесным опытом дознались, что Христос – не дух, не привидение, а воскресший плотью их Учитель, победивший смерть. И правда: что в этом удивительного? Если мы действительно верим, что Христос был Сын Божий, Сам Бог, пришедший плотью для спасения мира, то трудно поверить в Его смерть, но легко поверить в Его воскресение. Как мог Христос умереть телом, будучи самой Жизнью, как мог бы Христос остаться в пленах у смерти, будучи Жизнью торжествующей, вечной?! Поэтому с радостью и верой будем друг друга приветствовать, зная, что воскрес Христос плотью Своей и что в этом – обещание нашего воскресения, в свое время. Смерть перестала быть для нас предметом страха: она – разверзающаяся дверь в вечность; и когда придет время, глас Божий, который призвал все существующее в бытие, загремит, и воскреснем мы все плотью и духом, и воспоми Господу вечную песнь радости, торжества и благодарения!

Христос воскресе!

14 апреля 1985 г.

Неделя 2-я по Пасхе. Апостола Фомы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Не раз мы в Евангелии читаем торжественное исповедание человека, который узнал во Христе своего Господа и Бога. Первый раз – в начале пути Господня. После Его крещения, когда Христос вступил на Свой крестный путь, Он встречает Нафанаила; Он свидетельствует перед другими, что это человек чистый, правого сердца: и Нафанаил Его спрашивает: откуда ты это знаешь? Спаситель ему отвечает таинственные слова: Прежде чем тебя позвал Филипп, я тебя видел, когда ты был под смоковницей... И Нафанаил, поклоняясь Ему, говорит: Ты Сын Божий, Ты Царь Израилев!.. В житии святого апостола Нафанаила мы читаем, что в то время он предстоял перед Богом в молитве, и слова Христовы «я видел тебя под смоковницей» вдруг как бы разорвали перед ним пелену, и он понял, что стоит перед Тем Богом, Кому он тогда возносил свою молитву.

А потом это свидетельство как-то замирает; апостолы, как все мы, ослеплены видимым и только очень медленно начинают презирать невидимое. В течение трех с лишним лет Христос постепенно раскрывает перед ними Свою истинную природу: да, Он подлинный, истинный человек, но одновременно Он – Бог, пришедший плотью спасти мир. И это постепенно нарастающее сознание находит себе выражение уже на пути к Иерусалиму, перед самой смертью Христовой, в свидетельстве апостола Петра: Ты Христос, Сын Бога Живого...

Прежде Своего распятия Христос постепенно открывался Своим ученикам как Бог; после Своего распятия Он настойчиво, раз за разом, в целом ряде видений открывается перед ними как человек, воскресший плотью. Все рассказы о Воскресении Христовом нас ставят перед лицом именно этого факта: это не дух, это не видение; ученики не только слышат Его голос, но они прикасаются к Его телу, они видят, как Он с ними вкушает пищу; и справедливо, говоря о их свидетельстве, апостол Иоанн позже писал: Мы говорим о том, что наши очи видели, наши уши слышали, к чему прикасались руки наши... Христос действительно воскрес плотью: плотью освященной, плотью преображенной, плотью, которая вся стала духом, не переставая быть плотью. И мы поклоняемся вместе с апостолом Фомой воскресшему Христу, и веря Ему, зная Его как своего Бога, но и как воскресшего Иисуса из Назарета, вызываем Ему: Господь мой и Бог мой!..

На этом построена вся жизнь Церкви, все христианское мировоззрение, все величие человека, все безграничное смиление Божие. Во Христе нам раскрыто и то, и другое; и мы ликуем не только о том, что Бог есть Бог любви, что Бог есть Спаситель наш, но ликуем мы и о том, что в Нем нам открыто, как велик человек. Человек так велик, что Бог может вместиться в него, человек так велик, что Христос может пройти через врата смертные и войти в вечную жизнь, и с Собой увлечь, унести нас в вечность, – как поток уносит. Человек так велик, что Христос, приобщившись во всех отношениях, кроме греха, нашему человечеству, приобщает нас до конца Своему Божеству, если только мы открываемся Его воздействию. Как это дивно!

А в наступающие сорок дней Христос постоянно является Своим ученикам, Он им раскрывает тайны Царства Божия, Он им открывает имя Господа нашего как Любовь, Он им открывает понимание Церкви как общества людей, которые соединены между собой любовью; Он открывает им, что временную жизнь они могут потерять, что она неминуемо пройдет, но что им дана вечная жизнь, которая есть жизнь Божия, уже вселившаяся в них, действующая в них, побеждающая все... И в наступающие недели каждое евангельское чтение будет нам говорить об этом торжестве жизни, о победе жизни, о победе любви над всем остальным. Будем радоваться, будем ликовать о том, что воскресший Христос не только победил смерть для Себя и в Себе, – будем радоваться, что в нас и для нас Он победил смерть, грех, страх – все, и что мы стали теперь свои, родные Живому Богу. Аминь.

17 апреля 1977 г.

Неделя 3-я по Пасхе. Святых жен-мироносиц

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы празднуем сегодня день святых жен-мироносиц, Иосифа Ариамафейского и Никодима. Они еле упоминаются в Евангелии до страстных дней, когда Христос был предан, взят, оставлен, распят, убит; но вот в это время они вдруг появляются. У креста – апостолов не было; Иуда повесился; и только Иоанн стоял с Божией Матерью: потому что он был апостолом любви, как и Мать Божия была любовью воплощенной, выражением любви всей земли к Богу и всей любви Божественной к нам, людям. И когда была по видимости одержана победа зла над Христом, когда Он был предан и распят, когда Он умер, как бы бесповоротно пораженный, тогда появились Иосиф и Никодим, которые оказались верными Ему не только во дни Его учительства, но во дни Его поражения: кажущегося, но очевидного поражения, в котором никто не мог сомневаться и которое могли победить только любовь и верность до конца.

И вот встает вопрос перед каждым из нас: мы знаем, что Христос одержал победу; мы не можем уподобиться ни женам-мироносицам, ни Иосифу Ариамафейскому, ни Никодиму в том смысле, что мы не можем вернуться даже воображением к страшным дням кажущегося поражения Спасителя. Он сказал нам: то, что вы совершили над самым малым, самым ничтожным человеком, вы сделали для Меня... И мы все, все без исключения бываем постоянно пораженными; мы устремлены к добру – и отпадаем от добра; мы верим в добро – и изменяем добру; мы стремимся изо всех сил к тому, чтобы быть достойными человеческого звания, – и это нам не удается.

И вот в эти моменты – а они случаются постоянно в нашей среде, в среде всего человечества – мы должны подумать о женах-мироносицах, подумать об Иосифе Ариамафейском, о Никодиме, и как скала твердая стоять, поддерживая друг друга. Друг друга тяготы носите, и так вы исполните закон Христов, – говорит апостол Павел. Если мы не будем друг друга тяготы нести, если мы не будем изо всех сил поддерживать друг друга, если мы не будем постоянно, милосердно, вдумчиво, щедро относиться друг ко другу именно в моменты, когда нам кажется, что наш ближний, наш друг не достоин ни себя, ни нашей дружбы, мы не исполним закона Христова.

Подумаем о себе, и о каждом человеке, который вокруг нас находится, о самых близких – и о случайных встречах; подумаем о хрупкости человеческой, о том, как легко поскользнуться и упасть; и в момент поражения останемся верными до конца, любящим сердцем не изменим, и из страха – не отвернемся. И тогда действительно, понеся друг друга тяготы, мы исполним закон Христов; тогда мы войдем в сонм тех жен-мироносиц, соединимся с Иосифом и Никодимом, и

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
останемся с теми, кто в течение всей истории жизни человечества не стыдился
пораженных, не отворачивался от падших, был Божией любовью и Божиим
промыслом. Аминь.

21 апреля 1991 г.

Неделя 4-я по Пасхе. О расслабленном

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Я хочу обратить ваше внимание на три черты сегодняшнего евангельского чтения. Первое: как страшно слышать, что этот человек 38 лет был в крайней нужде, разбитый телесной болезнью, сломанный, и что ни один человек не нашелся, кто бы ему помог... И то, что случилось с этим человеком, в данное время случается с миллионами других людей: потому что мы холодны сердцем, потому что нам нет дела до того, что другие голодают, страдают болезнью, находятся в отчаянии душевном, ищут и не могут найти своего пути в жизни, в конечном итоге, найти живого Бога, – потому что мы так холодны, миллионы людей остаются во тьме и холода, в одиночестве и ужасе.

Вторая черта сегодняшнего Евангелия относится именно к этому: кто из нас может сказать, что когда он чего-то желал, о чем-то мечтал, чего-то добивался и стоял рядом с другим человеком, который был в той же нужде, но больше, в той же нужде, но больше, – кто из нас пожертвовал собой, отступил в сторону, и сказал: ты пройди первым, ты будь первая, я подожду... В ответ на такой поступок, Господь мог бы дать человеку (каждому из нас, если бы мы только сумели так поступить) такую душевную тишину, такой свет, который сделал бы ненужным то, к чему мы так отчаянно стремимся.

И наконец, Христос говорит этому человеку: Смотри, берегись, не согрешай больше, иначе будет еще хуже, чем то, что ты пережил... Грех, конечно, выражается словами, мыслями, поступками, волеизъявлениями; но в основе, грех – это отрыв от Бога, потому что Бог является как бы ключом нашей цельности, целостности. Если мы от Него отрываемся, то мы теряем самую возможность быть целыми. И отрываемся мы каждый раз, когда мы по отношению к другому человеку поступаем так, как не поступил бы Спаситель Христос. Он нам показал, что значит быть настоящим человеком – цельным, носящим в себе Божественную тишину и Божественную славу. Он нам показал путь; Он нас предупредил о том, что то, чего мы не сделали кому бы то ни было из наших близких, мы не сделали и Ему; и наоборот, если мы что-либо сделали для ближнего нашего, мы Ему это сделали, потому что когда что-нибудь доброе сделано для любимого человека, то любимый никогда этого не забудет.

Вдумаемся в то, что мы сейчас читали, в те намеки понимания, которые я пробовал довести до вашего сознания. Вот, доведите их до сознания, доведите до сердца, до воли, и пусть это все расцветет в живые, творческие поступки. Аминь.

28 апреля 1991 г.

Неделя 5-я по Пасхе. О самарянине

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Когда Христос разговаривал с самарянкой, Его ученики дивились: как Он может говорить с чужим человеком? Но Бог есть Бог всех: всех сотворил Господь, всех объемлет Его любовь, ко всем пришел Христос, ради всех Он жил, ради всех Он умирал, для каждого Он пережил Богооставленность, и в таинственный, страшный ад каждого человека Он вошел. Ученики еще делили людей на своих и чужих; Христос всех объемлет одной любовью. И мы призваны, будучи Христовыми, так же и относиться ко всем, ради которых пришел Спаситель на землю, ради которых Отец отдал Своего Единородного Сына на смерть.

Так ли мы относимся к людям? Не делим ли мы их на «своих» и на «чужих», на друзей и на врагов? Мы призваны не к друзьям Божиим, а к «врагам» Божиим идти с благовестием о спасении, с благовестием о новой жизни, которая в Боге и которая им дается.

В конце сегодняшнего Евангелия Спаситель говорит: Поля уже побелели, жатва
Страница 16

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org уже готова, а делателей – мало... И когда мы оглядываемся на христианское общество, на свою Церковь и на все Церкви, которые именем Христа себя называют – и справедливо! – разве мы не ужасаемся при мысли, что нас столько, а слово Божие умирает в нашей среде? Прозвучит – и умрет, прогремит – и больше ничего не слышно... Мы призваны Христом быть Его присутствием на земле, Его свидетелями; мы призваны быть на земле как бы продолжением Его воплощенного присутствия; больше того, если можно это сказать: присутствием и Христа, и духа Святого, живущего в нас. И что? – миллионы вокруг нас жаждут; жаждут слова истины, жаждут слова надежды, слова любви, слова веры, жаждут, чтобы к ним пришел вестник от Христа, в котором они могли бы узнать Того, Кто его послал: Спасителя, не Судью, а друга, способного сказать Иуде самому «друг Мой»... Поля побелели, миллионы жаждут, миллионы изголодались; а мы живем замкнутой, пугливой жизнью.

Когда самарянка услышала о Христе слова, которые дошли до ее души, пролились в эту душу, как живая вода проникает в иссохшую землю пустыни, – она все бросила; она забыла, зачем пришла к колодцу; она поспешила в город, чтобы поделиться с людьми чудом: она встретила Того, в Кому она почтывала Мессию, Спасителя мира Христа. И то, что она говорила и что с ней случилось, было таково, что люди поверили ее слову и пошли ко Христу... Кто, слыша наше слово, готов все бросить, все напрасные поиски, для того чтобы прийти ко Христу, Который есть и Истина, и Путь, и Жизнь? Наше свидетельство тускло, бледно; ее свидетельство было подобно пламени; оно было прозрачно, как свет: люди слышали свидетельство и не видели женщину. Когда мы говорим, как часто люди видят только нас и не слышат слова, которое звучит, которое должно было бы прогреметь через нас, через нашу прозрачность доходить до них, как жизнь.

А затем, прия ко Христу, люди говорили этой женщине слова, к которым мы относимся часто болезненно: уже не по твоему слову мы верим, – мы сами видели!.. Как часто нам хочется, чтоб человек вспомнил с благодарностью о том, что мы его привели ко Христу, мы ему открыли дверь Церкви, мы ему дали радость, надежду, зачаток веры... С какой готовностью самарянка стала незаметной; с ней случилось то же, что было с Иоанном Крестителем: Христос вырос во весь рост перед людьми – и они забыли про Иоанна...

Подумаем и мы над нашим местом в деле спасения. Как часто я слышу людей, говорящих: почему нас мало? Почему это дивное провозглашение Православия не зажигает, не просвещает всех вокруг? – потому что мы тусклы! Потому что наше слово слабо, потому что мы боимся провозглашать всем голосом – и не голосом только, а всей жизнью – наше, или, вернее, Божие благовестие.

Задумаемся же над самарянкой. Христос пришел ко всем; Он нам возвестил, что придет время, когда не тут и не там надо будет искать истинных поклонников Богу и Отцу, что те, кто поклоняется Ему, должны поклоняться духом и Истиной. Но этот дух, эта Истина должны просиять через нас; мы посланы в мир, мы – апостолы Христовы, мы – свидетели Его, и по нам будут судить Христа... Подумаем над нашей ответственностью, и с радостью поделимся тем богатством, тем счастьем, той верой и надеждой, тем ликованием, которые дает нам Христос. Аминь.

20 мая 1984 г.

Неделя 6-я по Пасхе. О слепом

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Мы слышали сегодня рассказ о слепорожденном. Мы не знаем опытно, что такое телесная слепота; но мы можем представить, насколько этот человек был замурован в самом себе, насколько весь окружающий его мир существовал для него лишь как отдаленное звучание, нечто, чего он не мог вообразить, представить; он мог придумать мир вокруг себя: он мог на ощупь, на слух сколько-то представить себе то, что его окружает; но полная, совершенная реальность ускользала от него.

Мы не слепы физически; но сколь многие из нас замкнуты в себе! Кто из нас может сказать, что он настолько открыт, что он способен воспринимать мир во всей его широте, во всей его глубине? Мы встречаем людей и видим их своим взором, но часто ли случается, что за внешними очертаниями, формами, всей внешностью мы прозреваем что-то глубинное в человеке? Как редко мы взглянем

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
в глаза человека и поймем его до глубины! Мы окружены людьми, и каждый
человек – единственный для Бога; но единственен ли для нас каждый человек?
Разве вокруг нас не просто «люди»? Да, у них есть имена, фамилии, прозвища,
мы можем их узнать по внешности, но мы их не знаем на сколько-нибудь
значительной глубине...

Таково наше положение; мы слепы, мы глухи, мы бесчувственны к внешнему
миру; а между тем мы призваны читать знамения. Когда мы встречаем
кого-нибудь, мы должны бы подходить к этому человеку как к тайне, то есть
как к чему-то, что мы можем открыть для себя только глубоким общением,
войдя в такие взаимоотношения, может быть, безмолвные, может быть,
облеченные в слова, но столь глубокие, что мы можем знать друг друга – не
так, конечно, как Бог знает нас, но знать друг друга в свете Божием,
просвещающем каждого из нас и всех нас.

Более того: мы можем, каждый в меру своих сил, своих дарований совершить
то, что сделал Христос. Он отверз глаза этого человека. И что тот увидел?
Первое, что он увидел, был лик воплощенного Сына Божия; иначе говоря, он
увидел любовь воплощенную. Когда его очи встретили взгляд Христа, он
встретил Божие сострадание, Божию любовь, Божию глубокую заботу и
понимание. Точно также многие люди могли бы начать прозревать, если,
встречая нас, они встречали бы людей, в глазах которых, на лице которых они
могли бы увидеть сияние подлинной, трезвой любви; такой любви, которая не
сентиментальна, но зряча, любви, которая способна видеть и понять. Если бы
так было, мы могли бы быть для окружающих нас людей откровением того
смысла, который содержит, хранит мир: через искусство, через красоту, через
науку, через все средства, которыми можно уловить красоту и провозгласить
ее среди людей.

Но так ли мы поступаем? Заботимся ли мы о том, чтобы донести до каждого,
кого мы встречаем, широту, и глубину, и красоту, и значение всего? Не
стремимся ли мы больше получать, чем давать? А ведь апостол Павел говорит,
что блаженнее давать, чем получать. А он получил так много! Он получил
познание Бога в собственном опыте веры; он получил все обучение, и
познание, и опыт, доступный Ветхому Завету, а затем Христос Сам открылся
ему: чего только он не получил! И однако, он больше радовался, отдавая,
потому что он не хотел быть обладателем всех выпавших ему сокровищ; он
хотел делиться ими, отдавать, хотел воспламенить людей горевшим в нем
огнем.

Задумаемся над тем, как мы богаты, как одарены, как много нам дано видеть,
слушать. И осознаем, насколько трагично, вместе с тем, мы замкнуты в самих
себе, пока мы не сокрушим эти стены ради того, чтобы давать, столь же
щедро, столь же широко, не скучаясь, как мы сами получили. Тогда,
действительно, по слову Христову, радость наша исполнится. И никто, ничто
не сможет никогда отнять ее от нас. Аминь!

4 июня 1989 г.

Неделя 7-я по Пасхе

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В деяниях апостольских мы сегодня слышали, что, когда приближался праздник
Пятидесятницы, апостол Павел отправился в Иерусалим, чтобы быть вместе со
всеми, кто в этот самый день принял Святого Духа. Он единственный из
апостолов не был в горнице, когда произошло это событие. Но Бог даровал ему
подлинное, совершенное обращение сердца, и ума, и жизни, и подарил ему дар
Святого Духа в ответ на его всецелую, предельную отдачу самого себя Ему,
Богу, Которого он не знал, но Которому поклонялся.

Мы тоже находимся сейчас на пути к дню Пятидесятницы: на следующей неделе
мы будем праздновать это событие. Павел на пути размышлял о том, что с ним
приключилось во время его путешествия из Иерусалима в Дамаск, а потом в
даре Святого Духа по молитве Анании, Нам тоже, каждому в отдельности и всем
сообща, надо задуматься обо всем, что Бог нам дал. Он дал нам бытие и
вдохнул в нас жизнь; не только жизнь тела, но жизнь, которая нас делает
сродни Ему: Его собственную жизнь. Он дал нам познать Себя Самого, Живого
Бога, и дал нам встретить в Евангелии и на путях жизни Своего Единородного
Сына, Господа Иисуса Христа. И в крещении, в миропомазании, в причащении

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Телу и Крови Христовым, в тайне безмолвного молитвенного общения, в минуты, когда Сам Бог близко-близко подходил к нам, хотя в то мгновение мы о Нем и не думали, Он давал нам так много.

Проведем эту неделю или хоть какие-то ее отрывки, размышляя о всем, что нам дано, ставя перед собой вопрос: действительно ли мы ученики Христа? Мы знаем от апостола Павла, что значит быть учеником. Павел сказал, что жизнь для него – Христос, а смерть была бы приобретением, потому что пока он в теле, он отлучен от Христа, Которого любит, Который стал всем в его жизни, не только временной, но на всю вечность. И однако, говорит Павел, он готов жить, не умирать, потому что его присутствие на земле нужно другим... Это была мера его приобщенности Христу. Это так волнующе ясно из параллели между короткой фразой в Деяниях и другой фразой в Евангелии: и Господь Иисус Христос и Его ученик говорят о том, что теперь они идут обратно к Отцу, что время их отшествия настало... Его, Павла, жизнь во Христе созрела в такое отождествление с тем, что Христос означал, и больше того: с тем, чем Христос был, Кем Он был, что все, что относилось ко Христу, стало приложимо и к нему. Поистине, для Павла жизнь была – Христос, и он тосковал по смерти; но он научился от Бога чему-то большему, чем эта тоска по свободе, по общению с Богом, которому он поклонялся и служил с такой верностью. Он узнал, что давать есть радость еще большая, чем получать: получив столь много такого великого, такого святого, он был готов продолжать жить, отдаваясь.

Святые услышали слово Христа: Никто не имеет любви большей, чем тот, кто отдает свою жизнь за своих друзей. Павел, другие апостолы и бесчисленные святые вслед за ними отдавали свою жизнь, истощали ее изо дня в день, забывая о себе, отвергая всякую мысль, всякую тревогу о себе, имея в помышлении только тех, кому нужен был Бог, кому нужно было слово правды, кому нужна была Божия любовь. Они жили для других; они давали так же щедро, как получили.

И мы тоже призваны научиться радости, ликующей, вдохновляющей, дивной радости давать, отвернуться от себя, чтобы быть свободными давать, – давать на всех уровнях: самое малое и самое великое. И этому нас может научить только сила Духа Святого, которая соединяет нас Христу, сотворяет нас в единое с Ним тело, в тело людей, связанных друг с другом в их полной общности, единых с Богом, Который есть наше единство.

И вот задумаемся над всем, что мы от Бога получили, и поставим перед собой вопрос: что мы можем дать? Ему – так, чтобы Он мог радоваться о нас, чтобы Он мог знать, что Он жил и умер не напрасно? И что мы можем дать тем, кто вокруг нас, начиная с самого малого, самого скромного подарка своим близким, и кончая тем, чтобы дать все, что только мы можем, тем, которым это больше нужно?.. И тогда действительно, Пятидесятница придет как дар жизни, дар, который нас связывает воедино, в единое тело, способное быть на земле для других видением Царства, но также и источником жизни и радости, так, чтобы подлинно наша радость и радость всех, с кем мы встречаемся, исполнилась бы. Аминь.

11 июня 1989 г.

Неделя 8-я по Пасхе. День Святой Троицы. Пятидесятница

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Мы сейчас будем просить о полноте Святого Духа, Который Церковь наполнил, Который в Церкви живет, Которого мы получили в день, когда нас крестили и миропомазали, но Которого мы теряем – грехом, рассеянностью, жизнью не по Христу. Будем молиться о том, чтобы сошел на нас Вседержитель Святой Дух, и будем сilitься принести те плоды Духа, которые описаны святым апостолом Павлом из недр его опыта: мир, радость, любовь, терпение и другие плоды, которые он упоминает, и венец которых, вершина которых – самозабвенная, жертвенная, радостная, все свое отдающая любовь. Будем молиться, чтобы Господь нам дал Духа, а сами обязуемся ныне трудиться над тем, чтобы не напрасно снизошел на нас Святой Дух. Аминь.

17 июня 1973 г.

Неделя 1-я по Пятидесятнице. Всех святых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Матерь Божия и все святые, память которых мы сегодня празднуем, те, которые известны нам, потому что Бог открыл их нам и потому что они были поняты и узнаны или своими современниками, или иногда годы или столетия спустя – все святые являются ответом земли на любовь Божию. И это не только их личный ответ за самих себя, но и от лица всей твари, и от нашего лица также; потому что каждый из нас имеет поистине честь называться одним из их имен, нашим христианским именем, именем одного из этих святых. И эти святые, чьи имена переданы нам, стоят перед Богом и молятся, чтобы не обесчестилось их имя в очах Божиих.

Святые Божий, в своей любви, в своем представительстве, в своей молитве, в своем реальном, неотступном присутствии как бы держат и охватывают все творение. Как дивно, что мы принадлежим к этой неисчислимой семье мужчин, женщин, детей, которые поняли, что замыслил Господь, когда Он пришел, жил, и учил, и умер за нас! Они откликнулись всем своим сердцем, они открылись всем своим умом, они поняли Его замысел и приняли Его весть со всей решимостью преодолеть в самих себе все, что было причиной Распятия; потому что если бы и один человек на земле отбился, отпал от Бога, Христос пришел бы спасти его ценой собственной жизни. Это Его собственное свидетельство: один подвижник ранних веков молился, чтобы Бог покарал грешников; и Христос явился ему и сказал: Никогда так не молись! Если бы и один человек на земле согрешил, Я пришел бы умереть за него...

Святые – это люди, которые ответили любовью на любовь, люди, которые поняли, что если кто-то умирает за них, то единственный ответ благодарности – это стать такими, чтобы смерть его не была бы напрасной. Взять на себя крест означает именно это: отвернуться от всего, что убивает и распинает Христа, от всего, что окружало – и окружает! – Христа ненавистью и непониманием. И нам это сделать легче, чем тем, которые жили в Его время, потому что в те дни они могли в Нем ошибиться; но в наши дни, две тысячи лет спустя, когда мы читаем Евангелие и встает в этом рассказе вся мера роста Христова и Его личность, когда у нас есть миллионы свидетелей, которые говорят нам, что Он подлинно отдал Свою жизнь за нас, и что единственное, чем мы можем отзоваться, это отдать жизнь друга ради Него – как можно нам не отзоваться?!

Поэтому в этот сегодняшний день примем новое решение: внимать, как они, всем сердцем, всем умом, всей волей, всем существом, чтобы видеть, что случается, чтобы слышать, что Он говорит, – и ответить благодарностью и решимостью. И тогда, если мы принесем Богу это малое – нашу благодарность и нашу добрую волю – сила, чтобы и нам тоже вырасти в меру роста, которую задумал, возмечтал для нас Бог, – сила будет от Бога. Как Он сказал: Сила Моя в немощи совершается. Моей благодати тебе достаточно... И Павел, который знал это, прибавляет в другом месте: все возможно нам силой Божией, укрепляющей нас... Сомневаться не в чем: все возможно, если только мы дадим Богу спасти нас, понести нас от земли на небо.

Давайте же начнем заново, так, чтобы святые, чьи имена мы носим, радовались о нас, чтобы Матерь Божия, Которая отдала Своего Сына на смерть, дабы мы могли отзываться, могли понять, могли спастись, радовалась о нас, и чтобы Христос видел, что не напрасно Он жил, учил и умирал. Будем Его славой, будем светом; это может быть малый огонек, как малая свеча, это может быть свет, блестящий подобно великим святым, – но будем светом, просвещающим мир и делающим его менее темным! Будем радостью, чтобы и другие могли научиться радоваться о Господе! Аминь!

25 июня 1989 г.

Неделя 2-я по Пятидесятнице. Призвание апостолов

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

По мере нашей веры, по мере открытости наших сердец. Господь разно нас призывает. В глубине ночи, из сна был вызван Авраам; его Господь вызвал по имени, и Авраам отозвался, и Господь ему велел: выйди из земли своей,

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
оставь свое сродство, отвернись от своих богов, пойди туда, куда я тебя
поведу... Авраам встал и пошел, и он остался в истории и в опыте всего
человечества как образ безусловной, совершенной веры.

Не так были призваны апостолы. Мы сегодня читали о том, как, проходя мимо
них у моря Тивериадского, Господь их позвал, и они встали и пошли, – но это
не была их первая встреча. До этого они встретили Христа на берегу
Иордана-реки. Помните, как они услышали свидетельство святого Крестителя
Иоанна: это Агнец Божий, Который подъемлет на Себя крест мира, грех мира,
тяжость мира... И два его собственных ученика (тот, который впоследствии
стал Иоанном Богословом, и Андрей Первозванный) оставили своего учителя по
его собственному свидетельству и пошли с Иисусом, пробыв целый день с Ним,
и потом привели к Нему каждый своего брата. Андрей привел Петра, Иоанн
привел Иакова и своих друзей Филиппа и Нафанаила; и вот при этой встрече
они что-то прозрели, – что-то такое большое, что было выражено Нафанаилом в
его исповедании: Ты Сын Божий... Но тут Христос их за Собой не увлекает, Он
их отсылает обратно, домой, Сам уходит в пустыню на сорокадневный пост и
искушение, и только после каких-нибудь двух месяцев Он снова их встречает.
За это время первый восторг, который их охватил, успел остыть. Первые
потрясающие впечатления улеглись, они успели подумать, пережить, прийти в
себя, вернуться к самому обыденному, что у них было на земле: ремесло, дом,
семья, обычное окружение, – и когда они занялись самым обычным, когда
воспоминание об Иисусе, встреченном в Иудее, осталось у них в сердцах, а
жизнь продолжала идти своим чередом, Спаситель снова прошел мимо них, и
теперь уже не предлагая ничего, Он повелел: Идите за Мной! – и они оставили
все и пошли.

Бывает и в нашей жизни, что в какой-то момент мы услышим ясный голос Божий,
который нас зовет по имени, и тогда мы можем встать и пойти; бывает так,
что пережив встречу, коснувшись края ризы Христовой, мы бываем глубоко
потрясены, и готовы в тот момент на любой подвиг. Но Спаситель знает, что
ни на какой подвиг от восторга нашего мы не способны. Пройдет порыв,
восторг, мы вернемся на старое и остынем. И Господь Сам отсылает нас
обратно в жизнь, в семью, обратно к нашим обычным занятиям, обратно ко
всему, что раньше существовало без Него в нашем сознании. Но посылает Он
нас обратно со знанием, что мы встретили Живого Бога. Это бывает после
молитвы, после причащения, или в какой-нибудь непостижимый момент, когда
нас коснется жизнь. И какое-то время Он пройдет мимо нас и скажет: «А
теперь брось все, пора за Мной идти...»

Готовы ли мы на это? Сколько раз все мы, каждый из нас и все мы вместе
молились, и глубоко доходила до нас благодать и слово молитвы, и зажигались
сердца, и утихали страсти, и ум делался ясным, и воля в сильном порыве
хотела только добра... Сколько раз?! Сколько раз это бывало при чтении
Евангелия, после причащения Святых Даров, после того, как мы что-то сделали
достойное себя и достойное Бога, достойное любви... И снова засыпаем,
коснеем. Слышим ли мы слова Божий: «А теперь пора!» – или станем дожидаться
момента, когда все у нас будет отнято: болезнью, смертью надвигающейся,
страшными обстоятельствами жизни, чтобы вспомнить, что кроме Бога не
остается ничего, в конечном итоге, никакого человека вокруг нас? И сейчас
сколько вокруг нас людей – а есть ли человек?

Вот подумаем об этом, не только в том смысле, что около меня может
кого-нибудь не быть, а поставим себе вопрос так: А я – человек ли по
отношению к тому, кто рядом со мной? Слышу ли я Господа, говорящего: иди ко
Мне, помоги, напитай, утешь, дай стакан студеной воды, утешь словом?.. Вот
вопрос, который перед нами стоит. Господь говорит раз, говорит и два, а
придет время, когда Он перестанет говорить, когда мы станем перед Ним, и Он
будет молчать, и мы будем молчать, объятые той же печалью: прошло время,
поздно!.. Неужели мы дадим времени нам сказать: «Поздно!» Апостол Павел
нам говорит: Дорожите временем, не лукавствуйте, спешите творить добро,
спешите жить вечностью... Услышим этот призыв и начнем жить! Аминь.

23 июня 1970 г.

Неделя 3-я по Пятидесятнице. «Ищите Царства Божия и правды ЕГО»

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

При чтении слов Спасителевых о том, что можно было бы жить так просто, так

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
беззаботно, если душой не печься о пище и питии, а телом – о том, как
одеться, два различные чувства борются в нас.

С одной стороны кажется: да, как бы это было просто и почему бы так не жить? Почему не сбросить с себя ответственность, почему не сбросить с себя озабоченность, которая нас постоянно мучит? А с другой стороны другое чувство: да это же невозможно!.. И вот перед нами встает вопрос: неужели сказанное Христом невозможно? Разве то, что Он нам заповедует, не является путем жизни?

Как разрешить эту раздвоенность нашей души? Мне кажется, обратив внимание на те строгие условия, которые перед нами ставит эта свобода. Если мы хотим так жить, как Христос нам говорит: заботиться о Царстве Божием и о правде его, в надежде, что все прочее приложится, то нам надо совершенно изменить все свое отношение к жизни и перестать жить так, как мы живем.

Правда Царства Божия заключается в том, чтобы любить Бога всем сердцем своим, всей мыслью, всеми силами, и ближнего своего, как самого себя. Эта правда требует от нас, чтобы в нашей жизни не оставалось ничего, что нельзя было бы назвать любовью к Богу и любовью к ближнему. Это значит, что вся наша мысль, все наши силы, все сердце должны быть отданы не нам самим, а другому: Богу и ближнему. Это значит, что все, что у меня есть, все, чем я себя утешаю и радую – принадлежит Богу и моему ближнему; это значит, что все, чем я пользуюсь сверх необходимости, я отнимаю у Бога и у моего ближнего.

Если так думать о том, как мы живем – кто устоит перед судом Божиего Царства, Царства жертвенной, крестной, радостной, спасительной любви? Все, что у меня есть, принадлежит не мне, все, чем я пользуюсь сверх нужды, – я у кого-то отнял и украл, все, что я не отдаю свободной волей, любовью своей, я изымаю, отрываю от чуда Божиего Царства любви... Если так настроиться, то легко было бы жить верой в Бога и милосердием ближнего: потому что это значило бы жить в духовной нищете и в телесной, нам еще даже непостижимой, нестяжательности.

Вот что стоит за «легкими» словами Христа «забудьте все, – о вас позаботится Отец»... За этим стоит: заботьтесь только о том, что является Божией заботой, крестной заботой Живого Бога нашего, распятого на Голгофе, и тогда вы войдете в то Царство, где ничего вам не нужно, и где все вам даст Господь. Аминь.

4 июля 1976 г.

Неделя 4-я по Пятидесятнице. Исцеление слуги сотника

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Так часто приходится слышать от людей: я молюсь, я стремлюсь к Богу, я жажду встречи с Ним, – а вместе с этим Он как будто остается мне далеким, нет у меня живого чувства Его близости...

Сегодняшнее Евангелие не осуждает такое отношение, но должно бы раскрыть наше сердце к чему-то иному. У человека, у сотника была мучительная нужда: его слуга умирал, лежал в болезни. И он обратился к Христу за помощью. Христос ему ответил: Я к тебе приду... И что же ответил Ему сотник? – Нет! Не приходи! Я недостоин, чтобы Ты вошел под мой кров, – достаточно одного Твоего слова, сказанного здесь, чтобы здравие и жизнь вернулись моему слуге...

И Христос его поставил в пример другим людям: поставил в пример эту изумительную веру, которая ему позволила сказать: не приходи, я этого недостоин, – достаточно мне Твоего слова.

Как часто мы себе задаем вопрос: как жить? что делать? Если бы только Господь, Спаситель Христос встал передо мной, если бы только Он мне сказал вот теперь: Поступай так, поступай иначе... – я бы поступил; но Он молчит... Правда ли это? Нет, неправда! Он оставил нам Свое слово в святом Евангелии; там сказано все, что нужно, для того чтобы наша жизнь стала иной, чтобы она преобразилась, чтобы все в ней стало ново, чтобы пути наши стали путями Божиими. Но мы ждем иного откровения, личного: это сказано

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org всем, это сказано на все времена, а я хочу личное слово, которое разрешило бы вот теперь, чудом, мою задачу... И этого слова мы не слышим – потому что оно звучит на каждой странице Евангелия, но мы туда не обращаемся: Евангелие я читал давно, Евангелие я знаю; было бы мне новое слово, пришел бы Господь...

Как можно было бы нам жить, чему только ни научиться, если бы, как этот сотник, мы могли сказать: нового откровения, непосредственного воздействия я недостоин; с меня достаточно слова Божия – животворящего, раскрывающего новые пути... И тогда все было бы. Поэтому научимся, как Петр, когда он увидел чудесный улов рыб, сказать: Господи! Выходи из моей лодки! Я недостоин, чтобы Ты был со мной!.. – или как сотник: Нет! Твоего слова довольно...

Научимся этому послушанию, этой вере и этому смирению, и тогда все перед нами раскроется, и Бог станет для нас живым и близким и чудотворящим. Аминь.

4 июля 1982 г.

Неделя 5-я по Пятидесятнице. Исцеление двух бесноватых

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раз за разом мы слышим в Евангелии рассказы о людях, которые были исцелены от болезни. В Евангелии это кажется таким простым и ясным: вот нужда – и Бог на нее отзывается. И встает перед нами вопрос: почему же это не случается с каждым из нас? Каждый из нас нуждается в физическом исцелении или в исцелении души, а исцеляются только немногие; почему?

Когда мы читаем Евангелие, мы упускаем из виду, что Христос не исцелял всех и каждого: один человек в толпе оказывался исцеленным, а многие, тоже недужные телом или душой, исцелены не были. И это происходит потому, что для того, чтобы принять действие благодати Божией во исцеление тела или души, мы должны раскрыться Богу: не исцелению, а Богу.

Мы часто хотели бы, хотим исключить болезнь из нашего опыта жизни не только потому, что болезнь утруждает жизнь, не только потому, что болезнь идет бок о бок с болью, но также или даже главным образом потому, что она напоминает нам о нашей хрупкости; она как бы говорит нам: «Не забывайся! Ты смертей, ты смертна; твое тело сейчас как будто обращается к тебе и говорит: у тебя нет власти вернуть меня к здоровью; ты ничего не можешь сделать; я могу как бы вымереть, угаснуть; я могу обветшать и зачахнуть – и это будет конец земной жизни...» Не это ли главная причина, почему мы изо всех сил боремся за выздоровление, хотим вымолить себе здравие?

Если мы из таких предпосылок просим Бога исцелить нас, вернуть нас в состояние цельности, это значит, что мы просим только о забытье, о том, чтобы забыть о нашей смертности, вместо того чтобы она была нам напоминанием, пробуждением, и мы осознали бы, что дни проходят, что время коротко. Если мы хотим достичь полного роста, к которому мы призваны на земле, мы должны спешить стражнуть с себя все, что в нас самих есть смертоносного. Потому что болезнь и смерть обусловлены не только внешними причинами; в нас существует и злопамятство, и горечь, и ненависть, и жадность, и столько других вещей, которые убивают в нас живость духа и не дают нам жить теперь, в настоящем времени, вечной жизнью; той вечной жизнью, которая есть попросту жизнь в полном смысле слова, жизнь в ее полноте.

Что же мы можем сделать? Мы должны ставить самим себе внимательные вопросы; и когда мы приходим к Богу, прося нас исцелить, мы должны раньше приготовить себя к исцелению. Потому что быть исцеленным не означает только стать целым, чтобы вернуться обратно к такой жизни, какой мы жили прежде; это значит стать целым для того, чтобы начать новую жизнь, как если бы мы осознали, что мы умерли в исцеляющем действии Божием. Все, что было в нас ветхим человеком, тем телом тления, о котором говорит Павел апостол, тот ветхий человек должен уйти, чтобы новый человек жил, и что мы должны быть готовы стать этим новым человеком через смерть прошлого для того, чтобы начать жить заново: как Лазарь, который был вызван из гроба не просто обратно в прежнюю его жизнь, но чтобы, пережив что-то, что не поддается

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
описанию никакими человеческими словами, войти в жизнь вновь, на новых
основаниях.

Способны ли мы принять исцеление? Готовы ли мы, согласны ли мы принять на себя ответственность новой цельности для того, чтобы войти снова, и еще снова в мир, в котором мы живем, с вестью о новизне, чтобы быть светом, быть солью, быть радостью, быть надеждой, быть любовью, быть отданностью и Богу, и людям?

Задумаемся над этим, потому что мы все больны, так или иначе, мы все хрупки, мы все слабы, мы все неспособны жить полнотой даже той жизни, которая нам дарована на земле! Задумаемся над этим, и начнем становиться способными открыться Богу так, чтобы Он мог сотворить Свое чудо исцеления, сделать нас новыми, но так, чтобы мы несли свою новизну, поистине Божию новизну в мир, в котором мы живем. Аминь.

23 июля 1989 г.

Неделя 6-я по Пятидесятнице. Исцеление расслабленного во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Когда мы читаем евангельские отрывки о том, как Христос воскресил мертвого или исцелил тело человека, мы редко задумываемся о том, что человеческое тело означает для Самого Бога, с любовью создавшего его для вечной жизни, и что оно должно бы означать для нас самих. Если бы наше тело не было бы Богу дорого, так же дорого и нежно любимо Им, как и наша вечная душа, Бог не стал бы исцелять тело или заботиться о его вечной жизни после воскресения мертвых.

И когда мы задумываемся о человеческом теле, будь то в связи с вечностью или с временной жизнью, в связи ли с земным или небесным, мы можем поставить себе вопрос: разве мы не получаем все наше знание, о Боге или о тварном мире, через тело? С младенчества, с самого рождения нашего мы познаем нежность и любовь через посредство нашего тела, задолго до того, как можем постичь что-либо умом. Затем мы возрасталяем в познании, мудрости, опытности; все, чем владеет наш ум, все, что делает наши сердца такими богатыми, достигает до нас через наши чувства. Апостол Павел сказал: вера от слышания, а слышание – от слова Божия... Красоту человеческого лица, и окружающего мира, и всего, что человек сумел создать прекрасного и значительного, мы воспринимаем через зрение. И можно перечислить и дальше все наши чувства, которые, как дверь, открываются на созерцание красоты и смысла тварного мира, а через него – на созерцание вечности: вечной красоты Божией, сияющей во всем Его творении.

Вот почему с такой любовью Христос совершил исцеление тела; этими исцелениями Бог со всей силой являет вечность воплощенного бытия. Поэтому же, когда кто-то умирает, мы окружаем его – или ее – тело такой нежностью и таким благоговением. Это тело сотворено Богом, в это тело Он вложил всю Свою любовь. И больше того: Он Сам стал человеком, Сам Живой Бог облекся в плоть и явил нам не только, что человек так построен, так велик, так глубок, что может соединиться с Богом, стать причастником Божественной природы, но что самое тело наше способно быть духовносным, поистине Богоносным. Какое это диво!

И мы также видим, что Свою вечную жизнь Бог сообщает нам через вещество земли: через крещальные воды, которые становятся источником вечной жизни, через хлеб и вино, пронизанные Его Божеством, – и нашим телом мы приобщаемся Самому Богу в Его таинствах. Как дивно наше тело, и с каким благоговением мы должны относиться к нему! Зачаточно тело свято; оно призвано к вечному общению с Богом, так же, как и душа. Оно любимо Богом. Не напрасно апостол Павел говорит: Прославляйте Бога и в телах ваших, и в душах ваших... Прославляйте: дайте Богу сиять через ваше тело, как Он может сиять через вашу душу; пусть ваше тело будет таким, чтобы соприкосновение с ним было бы соприкосновением с Воплощением, с тайной Бога, ставшего человеком.

Задумаемся над этим; потому что часто – о, как часто! – мы не отдаём себе отчета о вечной красоте и величии нашего тела. И так часто мы думаем о смерти как о мгновении, когда бессмертная душа вступает в Божественную

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
жизнь, а тело распадается в прах. Да, оно обращается в прах; но у него
вечное призвание: оно поистине воскреснет, как воскрес Христос. И все мы
однажды предстанем перед Богом воплощенными, с телом преображенным, как
преобразено тело Христово, с душой, обновившейся вечностью, и будем
общаться с Богом в любви, в вере и в молитве не только душой, но вместе со
всем сотворенным станем причастником Божественной природы и душой, и телом:
душой и телом, когда, по обетованию Божию через апостола Павла, Бог будет
все во всем, и ничто не останется вне Божественного общения, Божественной
Славы .

Какое это диво! Какая дивная тайна: тело, такое, как будто, хрупкое, такое
преходящее, может зачаточно принадлежать вечности и уже сияет славой во
святых. Аминь!

3 августа 1986 г.

Неделя 7-я по Пятидесятнице. Исцеление двух слепцов и немого

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Раз за разом мы читаем и в Евангелии, и в Ветхом Завете о чудесах и,
поистине, можем видеть их на протяжении веков в жизни Церкви: чудеса
исцеления, чудеса обновления человеческой жизни силой Божией. И иногда люди
– все мы – задаем себе вопрос: что такое чудо? Означает ли оно, что в
момент его Бог насиливает собственное творение, нарушает его законы, ломает
что-то, им Самим вызванное к жизни? Нет: если так, то это было бы
магическим действием, это значило бы, что Бог сломил непослушное, подчинил
силой то, что слабо по сравнению с Ним, Который силен.

Чудо – нечто совершенно иное; чудо – это момент, когда восстанавливается
гармония, нарушенная человеческим грехом. Это может быть вспышка на
мгновение, это может быть начало целой новой жизни: жизни гармонии между
Богом и человеком, гармонии тварного мира со своим Творцом. В чуде
восстанавливается то, что должно быть всегда; чудо не означает что-то
неслыханное, неестественное, противное природе вещей, но наоборот, такое
мгновение, когда Бог вступает в Свое творение и бывает им принят. И когда
Он принят, Он может действовать в Своем творении свободно, державно.

Пример такого чуда мы видим в рассказе о том, что случилось в Кане
Галилейской, когда Матерь Божия обратилась ко Христу и на этом убогом
сельском празднике сказала Ему: У них вино кончилось!.. Сердца людей еще
жаждали человеческой радости, а вещество радости иссыпало. И Христос
обращается к Ней: Что между Мной и Тобой, почему Ты Мне говоришь это?.. И
Она не отвечает Ему прямо; Она обращается к слугам и говорит: Что бы Он ни
сказал – то сделайте... Она отзывается на вопрос Христов действием
совершенной веры; Она неограниченно верит в Его мудрость и в Его любовь, и
в Его Божественность. В это мгновение, потому что вера одного человека
распахнула дверь для всякого, кто выполнит то, что ему сказано, Царство
Божие вдоворяется, в мир вступает новое измерение вечности и бездонной
глубины, и то, что было иначе невозможно, становится реальностью.

Здесь мы поставлены перед лицом тех необходимых условий, которые делают
возможной эту восстановленную гармонию. Прежде всего, должна быть нужда,
нужда реальная; не обязательно трагическая, она может быть и незатейливой,
но она должна быть подлинной. Радость и горе, болезнь и подавленность в
равной мере нуждаются быть приведенными в нечто большее, чем земля, в нечто
такое же просторное и глубокое, как Божественная любовь и Божественная
гармония.

должна быть также беспомощность: пока мы думаем, что мы можем что-то
сделать сами, мы не даем пути Богу. Мне вспоминаются слова одного западного
святого, который говорил: когда мы в нужде, мы должны передать все
попечение Богу, потому что тогда Он должен что-то сделать, чтобы спасти
Свою честь... да, пока мы воображаем себя хоть отчасти хозяевами положения,
пока мы говорим: «Я сам, – Ты только немножко помоги» – мы не получим
помощи, потому что эта помощь должна разметать все человеческие ухищрения.

И следующее – это Божественное сострадание, о котором мы слышим так часто в
Евангелии: «милосердова Господь»... Христос сострадает, Христос жалеет, и
это значит, что Он посмотрел на этих людей, которые в нужде, которые ничем

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org не могут облегчить свою нужду, и испытал боль в Своем Божественном сердце о том, что вот люди, чья жизнь должна быть полнотой и торжествующей радостью – а они измучены нуждой. Иногда это голод, иногда – болезнь, иногда – грех, смерть, одиночество: что угодно, но Божия любовь может быть только или ликующей, торжествующей радостью – или распинающей болью.

И вот, когда соприсутствуют все эти элементы, тогда устанавливается таинственная гармония между Божией скорбью и человеческой нуждой, человеческой беспомощностью и Божией силой, любовью Божией, которая выражается во всем: и в великом, и в малом.

Поэтому научимся такой чистоте сердца, такой чистоте ума, которая сделает нас способными обращаться к Богу с нашей нуждой, не пряча от Него своего лица: или, если мы недостойны приступить к Нему, то приступим, припадая земно к Его ногам, и скажем: Господи! Я недостоин, я недостойна! Я недостоин стоять перед Тобой, я недостоин Твоей любви, недостоин Твоего милосердия, но вместе с этим я знаю Твою любовь еще больше, чем я знаю свое недостоинство; и вот, я прихожу к Тебе, потому что Ты – любовь и победа, потому что в жизни и в смерти Твоего Единородного Сына Ты явил мне, как дорого Ты меня ценишь: цена мне – вся Его жизнь, все страдание, вся смерть, сошествие во ад и ужас его, ради того, чтобы я только был спасен...

Станем же учиться этой творческой беспомощности, которая заключается в том, чтобы оставить всякую надежду на человеческую победу ради уверенного знания, что Бог может то, чего мы не можем. Пусть наша беспомощность будет прозрачностью, гибкостью, всецелым вниманием – и вручением Богу наших нужд; нужды в вечной жизни, но и незатейливых нужд нашей человеческой хрупкости: нужды в поддержке, нужды в утешении, нужды в милости. И всегда Бог ответит: если хоть немножко можешь поверить, то все возможно. Аминь.

17 августа 1986 г.

Неделя 8-я по Пятидесятнице. Насыщение народа пятью хлебами

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Из года в год и из поколения в поколение мы читаем Евангелие в новых контекстах и перед лицом новых обстоятельств – исторических или личных. И каждый раз тот или другой отрывок может ударить нас в душу по-новому.

Сегодня мы читаем о насыщении народа Христом. И чаще всего у отцов Церкви и у духовных писателей читаешь о их чувстве изумления о милосердии Божием и о власти Бога, Который мог напитать столько народа столь малым, который мог творить чудеса в мире, таком Ему чуждом, когда хоть искра веры, хоть трещинка в броне нашего неверия позволяла Ему действовать.

При чтении сегодня этого Евангельского отрывка, меня по-новому поразили слова Христа. Ученики обращаются к Нему, чтобы Он отоспал толпу, потому что день на исходе, ближайшие селения далеко, они ослабают на пути от усталости и ночных сумерек, если останутся дальше: а ведь они не ели весь день, вслушиваясь в животворящее слово Христово. И Христос говорит ученикам: Нет, им не нужно уходить, – дайте вы им есть... Но как же они могут накормить такую толпу людей, мужчин, женщин и детей, у них всего пять хлебов и две рыбки? И тут – вызов Христа ученикам, и вызов Христа нам. Да, – в каком-то смысле один только Бог может совершить это чудо; но только если мы содействуем этому чуду открытостью нашего сердца и открытостью наших рук, вложив в чудо все, что у нас есть. Христос не сказал ученикам: сберегите то, что вам нужно самим, и отдайте остальное, отдайте другим то, что останется: Он сказал: возьмите все, что у вас есть, и отдайте все...

Не говорит ли это нам Господь сейчас, особенно подчеркнуто, когда мы так обеспечены так богаты, так благополучны, и когда день за днем мы слышим о голоде, и о нищенстве, и о голодной смерти тысяч и тысяч людей? И Господь нам говорит совсем просто: отдайте то, что у вас есть, и предоставьте Мне действовать дальше: не просите Меня о чуде, когда вы можете сделать то, что нужно...

Апостолы могли сделать немного: они могли только разделить пять хлебов и две рыбы: но мы можем поделиться так многим! Если бы наши сердца были

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org открыты, и если бы сердца каменные Бог претворил в сердца плотяные, если бы мы научились хоть немнogo – о, хоть самую каплю! – деятельной любви к ближнему, то не было бы голода в мире.

И сегодняшнее Евангелие говорит нам: оглянись вокруг: оглянись на каждого человека, который голоден, каждого человека, который бездомный, каждого человека, который в нужде, и помни, что каждый из этих людей – твоя ответственность, что весь их голод, вся их бездомность, все их нищенство в конечном итоге – результат твоего благополучия, твоего удобства, твоей обеспеченности и твоего отказа разделить, поделиться, дать. Дать не больше того, что есть, а просто дать.

Если бы мы только помнили, что, как сказал один святой, имени которого я сейчас не припомню, когда он съедает кусок сверх своей необходимости, когда он приобретает или удерживает что-то сверх своей строгой нужды, он украл это у голодного, он украл это у бездомного, он украл это у замерзающего, – он вор!.. Не относится ли это к нам еще острее, чем к этому подвижнику?

Мы должны задуматься над этим: ведь мы ведем себя, как плохие, нечестные управители; потому что есть такая вещь, как управление, ответственность за богатство – интеллектуальное, эмоциональное, нравственное, материальное. Вы, вероятно, помните рассказ о недостойном, неверном управителе, который мошенничал и обкрадывал своего хозяина; и когда хозяин обнаружил его нечестность и пришло ему время расчета, то управитель позвал тех, кто был должен его хозяину, и списал, уменьшил их долг. Вот нечто, чему мы можем научиться. Он обратился к людям, и помог им, чем только мог: мы этого не делаем.

Задумаемся над этими словами Христа: людям не нужно уходить от Моего присутствия, чтобы напитаться; дайте им вы то, что нужно.. И если бы мы оглянулись вокруг себя – не куда-то в заморские края, а просто вокруг себя – на нужды людей, которые голодны, которые бездомны, которые лишены прав, или просто на соседа, на ближнего, который временами так одинок, нуждается в поддержке, нуждается в дружбе, в солидарности, мы начали бы выполнять этот завет Христа.

Но не станем обманываться; не добрым словом, не ласковым жестом мы его выполним; Христос сказал: отдайте все, что у вас есть... А нам, принимая, может быть, в учет малость нашей веры, узость и жесткость наших сердец, Он скажет: дайте то, что в вашей жизни лишнее, ненужное, – но вдумайтесь правдиво, что такое этот излишек, что вы тратите на себя, даже не получая от этого ни радости, ни удовольствия, ни выгоды. Отдайте это, а потом предоставьте Богу восполнить ваш дар и сделать остальное.

Это – суд Божий надо мной; и это тоже призыв, с которым Бог обращается к каждому из вас. Аминь!

13 августа 1989 г.

Неделя 9-я по Пятидесятнице. Спасение утопающего Петра

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Так же, как Петру и другим апостолам, нам трудно поверить, что Бог, Бог мира, Бог гармонии может находиться в самой сердцевине бури, которая как будто готова разрушить и нашу безопасность, и лишить нас самой жизни.

В сегодняшнем Евангелии говорится, как ученики покинули берег, где Христос остался наедине, в уединенности совершенного молитвенного общения с Богом. Они пустились в плавание, рассчитывая на безопасность; и на полпути их настигла буря, и они поняли, что им угрожает гибель. Они боролись изо всех своих человеческих способностей, опыта и сил, и однако, смертная опасность нависла над ними; страх и ужас охватил их.

И внезапно среди бури они увидели Господа Иисуса Христа; Он шел по бушующим волнам, среди разъяренного ветра и, вместе с этим, в какой-то пугающей тишине. И ученики в тревоге закричали, потому что не могли поверить, что это Он, они подумали, что это призрак. А Иисус Христос, из сердцевины этой клокочущей бури, сказал им: Не бойтесь! Это Я... Так же, как Он говорит нам в Евангелии от Луки: Когда услышите о войнах и о военных слухах, не

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
ужасайтесь, поднимите головы ваши, потому что приближается избавление
ваше...

Нам трудно поверить, что Бог может находиться в сердце трагедии; и однако, это так. Он находится в сердцевине трагедии в самом страшном смысле; предельная трагедия человечества и каждого из нас – наша отдаленность от Бога, тот факт, что Бог для нас далек; как бы близко Он к нам ни был, мы не ощущаем Его с той непосредственной ясностью, которая дала бы нам чувство уверенной безопасности и породила бы ликование. Все Царство Божие внутри нас – и мы не чувствуем этого. И это – предельная трагедия каждого из нас и всего мира, из поколения в поколение. И вот в эту трагедию Христос, Сын Божий, вошел, став сыном человеческим, вступив в сердцевину этой разделенности, этого ужаса, который порождает душевную муку, разрыв, смерть.

И мы – как эти ученики; нам не нужно представлять воображением, что с ними происходит: мы сами находимся в том же море, в той же буре, и Тот же Самый Христос, с Креста или восставший из гроба, стоит посреди нее и говорит: Не бойтесь, это Я!..

Петр захотел идти из лодки ко Христу, чтобы достичь безопасности; не это же ли и мы делаем все время? Когда разразится буря, мы спешим к Богу изо всех сил, потому что думаем, что в Нем спасение от опасности. Но недостаточно того, что спасение в Боге: наш путь к Богу лежит через самозабвение, через героическое доверие Ему, и веру. Если мы станем оглядываться на волны, и на вихри, и на нависающую угрозу смерти, мы, как Петр, начнем тонуть. Но и тогда мы не должны терять надежды: нам дана уверенность, что, как ни мала наша вера в Бога, Его вера в нас непоколебима; как ни мала наша любовь к Нему, Его любовь к нам беспределна и измеряется всей жизнью и всей смертью Сына Божия, ставшего сыном человеческим. И в тот момент, когда мы чувствуем, что нет надежды, что мы погибаем, если в это последнее мгновение у нас достаточно веры, чтобы закричать, как Петр закричал: «Господи! Я тону! Я погибаю, помоги мне!», – Он протянет нам руку и поможет нам. И поразительно и странно Евангелие говорит нам, что в мгновение, когда Христос взял Петра за руку, все оказались у берега.

Задумаемся над этими различными моментами сегодняшнего Евангелия и посмотрим, какое отношение они имеют к нам, в буре нашей жизни, во внутренней буре, которая иногда бушует в нашем сердце и уме, во внешних бурных и устрашающих обстоятельствах жизни. Будем помнить, со всей уверенностью, которая дана нам в Божием собственном свидетельстве через Его учеников, что мы в безопасности и среди бури, и спасены Его любовью. Аминь.

24 августа 1986 г.

Неделя 10-я по Пятидесятнице. Исцеление бесноватого отрока

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем Евангелии мы еще и еще раз видим отчаянную человеческую нужду и неспособность учеников Христовых исцелить человека. Недавно мы читали в Евангелии о том, что они чувствовали, что не в состоянии накормить народ, который окружал Христа; и спросили Его: почему? Почему они так бессильны? Почему они не могут помочь тем, которые с такой надеждой к ним приходят?

И Спаситель две вещи сказал. Сначала, до их вопрошания, Он сказал: приведите больного мальчика ко Мне... Это первое, что каждый из нас в состоянии сделать. Когда перед нами нужда, болезнь, отчаяние и растерянность, мы так часто стараемся своим умом помочь; и порой, в какой-то мере, мы это можем сделать. Но в конечном итоге, предельная гармония, цельность человека может быть восстановлена только Самим Богом. И поэтому мы должны помнить, что мы посланы в этот мир для того, чтобы каждого нуждающегося привести к Самому Христу, стать настолько прозрачными, настолько незаметными, чтобы люди вошли бы в общение со Христом, потому что мы их за руку к Нему привели – но только.

Второй вопрос был поставлен конкретно учениками: почему мы не смогли его исцелить?.. – Потому что не хватило веры. Не веры в то, что у них есть сила это сделать, а веры в то, что Бог может это сотворить, и что роль ученика в том, чтобы распахнуть как можно шире дверь для Бога, чтобы Он мог вступить

Но для того, чтобы быть способным так поступить, как Спаситель им сказал, надо пройти путем молитвы и поста. Не поста в том смысле, в котором мы о нем говорим так часто: воздержание в пище: а поста в том основном смысле, в котором святые отцы понимают это слово: отказ – или, вернее, свобода – от всего того, что нас порабощает; свобода от всего того, что нас прельщает, царственная независимость, при которой мы можем до конца принадлежать Богу и быть способными к Нему обернуться, и слушать, в глубинах нашего бытия, Его животворящее слово.

В этом и заключается, в конечном итоге, молитва: в том, чтобы мы, стряхнув с себя все узы, забыв про землю, про небо и про себя, стали перед Богом в глубоком молчании, слушая, вслушиваясь всем нашим существом в Его присутствие, в Его безмолвие, в Его слово животворящее, и отвечая Ему порой только одним словом: Аминь! да, Господи, приемлю, да!..

И не напрасно в конце этого отрывка говорит нам Христос о том, что Ему через несколько дней надлежит быть переданным в руки человеков, которые озабочены только землей, и что они Его убьют, потому что такой свидетель свободы в Боге невыносим для них. Это предел того, к чему Он зовет учеников: отрекитесь от себя до конца! Удите в Бога до конца, – тогда вы станете, вероятно, чуждыми тем людям, для которых Бог чужд, в которых не живет подлинная жалость и любовь. Следуйте моему примеру; возьмите свой крест и последуйте за Мной – но без страха! Потому что Я никуда вас не поведу, никаким путем, каким Я Сам не прошел, и этот путь, через крест, ведет к Воскресению. Аминь!

12 августа 1990 г.

Неделя 11-я по Пятидесятнице. Притча о немилосердном должнике

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшняя притча такая ясная, такая простая, но я хотел бы обратить ваше внимание на одну или две вещи в ней. Из притчи ясно, что если мы не прощаем друг другу то малое, чем мы согрешаем друг перед другом, Бог не может простить нам то великое, чем мы должны Ему. И это верно; но я хочу задуматься о чем-то другом.

Мы должны друг перед другом столь малым: мы раним друг во друге самолюбие или гордость; мы разрушаем надежды друг друга, мы убиваем друг во друге радость: и также, очень часто, тем, как мы обращаемся друг с другом, мы омрачаем, порочим образ Божий в себе и в других людях. И вот когда речь идет о человеческих взаимоотношениях, о боли, которую мы друг другу причиняем, наш долг может быть прощен, потому что жертва нашего греха, даже если она нас вызвала на грех, или если эта жертва непорочная, получает в тот момент власть простить, подлинно божественную власть упразднить зло, которое мы совершили, и словами Христа «Прости им, Отче, они не знают, что творят» отпустить обидчика, перечеркнуть зло, выпустить на свободу того, кто связал себя узами ненависти, презрения или множеством других вещей.

Но есть в этой притче и другая сторона; в чем дело, почему Христос говорит, что мы должны друг другу сто монет, а Богу – десять тысяч монет: так много, так много? Значит ли это, что когда мы грешим против Него, грех как бы умножается тем, что Бог велик, и оскорбить Его – всегда намного преступнее, чем оскорбить ближнего? Я думаю, такое представление о Боге было бы чудовищным; я думаю, это значит, что когда мы поступаем дурно, не слушая призыва Божия, не следя Его слову и Его примеру, это помрачает Его образ в нас, разрушает ту красоту, которую Он в нас насадил, которую Он начертал в нас, которой Он нас запечатлел, как собственной печатью. И вот это непоправимо, если только Сам Бог не исправит, если только Сам Бог не обновит то, что одряхлевло, не вернет утраченную нами красоту.

В этом смысле мы должны быть очень бережны в наших отношениях с Богом. Проступки друг против друга исправить легко, потому что они малы, они поверхностны; одного слова прощения достаточно. Но то, что мы совершаем над своей душой, над самими собой, когда поступаем против Божией заповеди, Божиего зова, против надежды, которую Бог на нас возлагает, мы не можем исправить, просто сказав: «Я поступил плохо, прости!» Вся жизнь Христа, все

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Его страдание и смерть на кресте – вот цена, которой восстанавливается то, что мы разрушили и искривили, вместо того чтобы сделать прямым и прекрасным.

Задумаемся над этим, потому что сказать Богу «Прости» означает гораздо больше, чем сказать «Не вмени нам того зла, которое мы сделали, той неправды, которую мы совершили». Это значит: «Обнови то, что не может быть возрождено человеческими силами». Так что действительно существует несоразмерность, о которой Христос говорит в притче, между тем, когда мы поступаем неправо на путях Божиих и когда мы поступаем неправо в наших взаимоотношениях друг с другом. Поэтому давайте начнем с этих отношений друг ко другу, станем относиться к каждому человеку, как мы относились бы к святой иконе, поврежденной временем, небрежностью, злобой. Будем относиться друг к другу с благоговением, с лаской: тогда, при нашем обращении к Богу, и Он так же поступит с нами.

да благословит нас Бог вырасти в полноту той красоты, которую Он насадил в нас и к которой Он нас призывает, и да будет благословение Господа Иисуса Христа, и любовь Божия, и причастие Святого Духа с нами во веки! Аминь.

18 августа 1985 г.

Неделя 12-я по Пятидесятнице. Ответ Христа богатому юноше
во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хочу обратить ваше внимание на две или три черты сегодняшнего евангельского чтения. Юноша подходит ко Христу и говорит Ему: Учителю благий. И Спаситель ставит его перед действительностью, о которой тот, может быть, и не думал. Юноша обратился ко Христу как к мудрому наставнику: «добрый наставник, что мне делать?» А Христос ему отвечает: Никто не благ, кроме как един Бог... И тут Он ставит его перед лицом того, что если он хочет получить окончательный, совершенный ответ на свой вопрос, он должен услышать его из уст Божиих, то есть от Спасителя Христа, Сына Божия, ставшего сыном человеческим. Он должен услышать эти слова, признав безусловность права Христова возвещать эти слова.

И действительно, если говорить о вечной жизни, – кто может о ней говорить, кроме Самого Бога, Который и есть Жизнь Вечная? Напрасен вопрос юноши, если он обращен только к мудрому, хоть и святому, человеку: на этот вопрос может ответить только Бог: и ответ на это только один: Приобщись Моей святости, приобщись Моей вечности – и ты будешь совершенен, и войдешь в вечность Божию...

Но Христос обращается к Своему совопроснику на том уровне, на котором тот говорит; Он ему говорит: сохрани заповеди, – ведь заповеди тоже даны от Бога: что тебе большего нужно?! – Какие? – спрашивает юноша, думая, что нужно какие-то новые заповеди совершить, нужно сделать что-то такое, о чем он до тех пор ни от кого не слыхал. И действительно, тут он слушает Того, Кто может ему сказать последнее совершенное слово. И Христос ему указывает шесть заповедей, но только последняя из них – из Второзакона. Ни одной заповеди Он не упоминает о поклонении Богу; почему? Потому что так легко и этому юноше, и всем нам сказать: «Я верю в Бога! Я люблю Бога!» – и тут же нарушать те заповеди, которые относятся к человеку... Казалось бы, каждый из нас может сказать от сердца, что он в Бога верит и Бога любит – но это не так. Если мы верили бы в Бога, мы не ставили бы под вопрос обстоятельства нашей жизни, мы не упрекали бы Его в том, что все, что с нами случается горького, мучительного – Его ответственность. Мы не всегда говорим, что Он виноват непосредственно, но что Он нас не сохранил, не оградил, не защитил – мы говорим постоянно. Если бы мы Его любили и если бы мы верили в Его любовь, то мы все воспринимали бы от Его рук, как дар любви. Поэтому говорить о том, что мы любим Бога и верим в Него, мы должны с осторожностью. Но даже если мы можем это сказать, то апостол Иоанн Богослов нам указывает: когда ты говоришь, что любишь Бога, а людей вокруг себя не любишь – ты лжец!.. Поэтому Христос не ставит вопрос юноше о том, любит ли он Бога, – он бы отозвался положительным ответом, а спрашивает: как ты относишься к людям вокруг тебя? Любишь ли ты людей, как ты любишь самого себя? Желаешь ли ты людям всего того добра, которого ты себе желаешь? Готов ли ты отречься от всего, что твое, для того, чтобы другого обогатить любовью, но конкретной любовью; не словом, а делом любви?.. Вот

Это нам напоминает рассказ о Страшном суде, который мы читаем в Евангелии от Матфея перед Постом, о том, как Господь разделяет овец от козлищ. Мы всегда думаем об этой притче только в порядке суда; но в чем же суд, о чем спрашивает Христос-Судья представших перед Ним? Он спрашивает только о том, оказались ли они в течение своей жизни человечными, достойными имени человека: Накормили ли вы голодного? Одели ли вы нагого? Дали ли вы кров тому, кто был бездомен? Посетили ли вы больного, если даже вам страшно от его заразы? Постыдились вы или нет того, что друг ваш находится в тюрьме опозоренный?.. Вот о чем спрашивает Судья, – о том, какими мы были по отношению к человеку. Иначе сказать: были ли вы достойны звания человека? Если вы даже недостойны звания человека, – не думайте о том, чтобы приобщиться к Божественной святости, приобщиться к Божественной природе, приобщиться к вечности Господней.

И это обращено к юноше, который богат: чем же он богат? Он богат не только вещественным богатством; он богат тем, что чувствует, что он – праведник: он выполнил все заповеди Божий, он все сделал, чего с него может спросить Господь, – чего же с него больше требовать? чтобы он полюбил ближнего, как самого себя. Это не одна из десяти заповедей; эту заповедь мы находим в другом месте Ветхого Завета (Лев. 19, 18) и слышим ее повторяемую Христом; она означает: отрекись от себя, забудь про себя! Пусть все твое внимание будет обращено к другому, к его нужде: пусть твое сердце будет полно только любви к другому, чего бы это тебе ни стоило!.. И вот тут юноша сталкивается со своим вещественным богатством: он готов любить людей, но из положения своей обеспеченности. А Христос ему говорит: Отдай все: и когда у тебя ничего не будет, тогда люби людей свободно, и следуй за Мной, куда бы я ни пошел... И мы знаем, куда Христос шел: отречься от Себя до конца и жизнь Свою отдать.

Эта заповедь относится отчасти ко всем нам. Богатства вещественного мы не обязательно должны лишиться, да часто и не обладаем им, но мы так богаты тем, что нас делает гордыми, самодовольными, – вот от чего нам надо первым делом отказаться: забыть про себя, и обратить внимание на ближнего. И тогда мы услышим от Христа слово утешения, слово утверждения. Да, – собственными силами человек этого сделать не может, но, по слову Спасителя апостолу Павлу, сила Его в немощи совершается. Мы можем действовать силой Божией; и как сказано в этом чтении Евангелия, то что невозможно человеку, Богу возможно. И опять-таки словами апостола Павла: Все мне возможно в укрепляющей меня силе Господа нашего Иисуса Христа. Аминь.

26 августа 1990 г.

Неделя 13-я по Пятидесятнице. Притча о злых виноградарях

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Как страшно бывает священнику, когда он обращается к Божиему народу, к людям, которых так возлюбил Господь, что Свою жизнь отдал для них, – с этими словами. Как страшно, что он, священник, такой же хрупкий, слабый, как и все, говорит во имя Отца, и Сына Его, и Святого Его Духа! И с каким трепетом собираешь свои мысли, чтобы ни одной мысли не было такой, какой не мог бы выразить или принять Сам Господь.

С этим трепетом я снова обращаюсь с проповедью к вам. Мы находимся сейчас в свете Успения Божией Матери; и сегодня день Воскресения Господня. Эти два события связаны между собой неразлучно, неразрушимой связью: но они относятся и к нам. Воскресение Христово – это победа Бога над смертью, одержанная не Богом Одним, но Богочеловеком, Господом Иисусом Христом. В этой победе участвует не только Божество, но и человечество, потому что Человек Иисус Христос, как Его называет апостол Павел, взял на Себя все, что возложил на Него Отец, и только поэтому мог Он совершить дело нашего спасения.

Поэтому то, что случилось с Ним – крестная смерть, сошествие в ад, воскресение, вознесение – относится непосредственно и к роду человеческому: это не только Божественное событие, – это событие и человеческое. И мы видим, как это событие приносит первые свои плоды в Успении и воскресении Божией Матери. В одной из молитв вечерни праздника Успения Божией Матери

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org говорит о нем как о бессмертном успении. В древности, в Ветхом Завете смерть переживалась не только как лишение временной жизни, как разлука души от тела; она переживалась как нечто более страшное. Человечество, пав, потеряло свое единство с Богом. Каждый человек, пока он был еще жив на земле, до какой-то степени общался с Богом: молитвой, верой, надеждой, сохранением заповедей. Но после смерти никто не мог стать перед Богом и войти ликованием в Божию вечность. Только со смертью и сошествием в ад Христа эта страшная смерть, эта окончательная разлука с Богом была побеждена раз и навсегда для всех.

Поэтому успение Божией Матери – это, как говорят о нем церковные молитвы, временный сон тела, тогда как душа оживает полнотой жизни в Боге. Но в нем есть еще нечто большее. Мы знаем из церковного Предания, мы верим опытом Церкви и опытом нашей собственной внутренней жизни, что как Христос воскрес, так и Божия Матерь не могла бы быть, даже телесно, удержанна тлением во гробе. Божия Матерь телесно воскресла силой и действием Христа Бога, Которого своей верой, чистотой, святыни Она ввела в мир. И это уже начало всеобщего воскресения, это уже воочию увиденное нами будущее.

Через несколько дней отданье Успения, и мы будем вспоминать этот праздник, но как бы уходящий от земли: мы его отдаём Богу. Что это значит? Это значит, что это событие, которое среди нас жило, действовало, вдохновляло нас в течение всех этих дней, теперь переходит в вечность как обещание, и остается нам ожидание: ожидание веры, ожидание надежды, ожидание любви, ожидание радости о том, что победа не только одержана Христом, но что она уже явлена нам на земле в лице Божией Матери.

Отдадим же этот праздник, дадим его в вечность: но будем помнить, что мы его обретем в свое время, когда сами, пройдя узкими вратами смерти, войдем в вечность Божию, – не в ту страшную смерть, какой была смерть Ветхого Завета, но в смерть, которая для христианина является времененным сном в ожидании всеобщего воскресения. И мы знаем, что это воскресение будет, потому что в лице Божией Матери оно уже совершилось.

Но оно не совершится просто, потому только, что воскрес Христос, что искупил и спас Он нас страшной Своей смертью и сошествием в ад, и тридневным пребыванием во гробе. Оно не совершится только потому, что Божия Матерь Своей чистотой, святыни так соединилась, сроднилась с Богом, что гроб и умерщвление не могли Ее удержать. Мы войдем в вечность, только если сами вырастем в меру истинного, подлинного человечества, если станем достойными звания человека, потому что только человек может стать причастником Божественной природы. Пока мы не выросли в эту меру, пока мы только зачаточно, в надежде, в мечте Божией являемся людьми, и так низко пали, так далеко от Него – нам путь еще заказан.

Сегодняшняя притча нас предупреждает именно об этом. Нам дан от Бога виноградник – этот мир, который нам было велено возделать, освятить, который мы должны были ввести в Божественную святыню, исполнить присутствием Святого Духа... А мы этот мир взяли в собственность и действуем в этом мире, как те недостойные работники Божий. Приходящего к нам с вестью о правде мы отвергаем: не всегда убиваем (хотя Ветхий Завет полон этого ужаса), но мы его отвергаем холодностью, безразличием, тем, что отворачиваемся от вестника Божия и говорим ему «Уйди! Умри, будто тебя никогда и не бывало!» И когда к нам обращается Спаситель Христос со спасительной вестью – разве мы каемся? Мы умиляемся тому, что мы видим на Страстной седмице, тому, что читаем в Евангелии, – но разве мы меняемся так, чтобы все стало ново в нас? Разве мы не даем Ему умереть, так, как заставили Его умереть люди около двух тысяч лет тому назад?

Как же мы ответим Богу, когда мы станем перед Ним? Неужели смерть для нас будет тихим, безмятежным сном плоти, а душа оживет ликованием в вечную жизнь, просто потому, что воскрес Христос, просто потому, что воскресла Божия Матерь?.. Подумаем об этом: и всей жизнью, чистотой, правдой, святыни нашей жизни станем достойны того, чтобы и для нас смерть была, по слову апостола Павла, не совлечением временной жизни, но облечением в вечность. Аминь!

2 сентября 1990 г.

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Все призваны Богом, Творцом нашим, к вечной жизни, к тому, чтобы войти в это изумительное таинство любви, которое представляет собой Царство Божие, когда мы все призваны быть Божиими детьми, быть Ему родными, более того – видеть во Христе, Который стал человеком нас ради, брата по человечеству и Бога по природе. И через это увидеть в Боге нашем Отца и стать, по дивному слову апостола Петра, причастниками Божественной природы. Но сегодняшняя притча нас предупреждает о том, что не все, кто призван, войдут в эту славу. Разве мы не похожи на людей, описанных в сегодняшнем Евангелии и в другом отрывке, который мы читаем тоже в один из воскресных дней? Разве мы не говорим Богу: я купил кусочек земли, участок, – я должен его освоить, он – мой... II через это теряем нашу свободу идти к Богу, потому что мы врастаем в эту землю под предлогом, что мы ею обладаем, тогда как она над нами получает власть... Разве мы не говорим Богу постоянно: Господи! у меня есть дело, – я вспомню о Тебе потом, помолюсь Тебе когда-то, когда-нибудь, позже, но сейчас я должен сделать, я должен творить; разве я не призван себя выразить до конца, стать творцом?.. И проходят годы, десятилетия – и никогда не приходит момент, когда мы говорим: сделано наше дело на земле, я от него теперь свободен, теперь я могу забыть все, все земное, и только быть лицом к лицу с Богом, вместе с Которым, ради Которого, во имя Которого я всю жизнь жил и творил... В другой притче некто из призванных говорит: я поженился, – мне некогда прийти к Тебе; у меня своя, земная радость, мне некогда разделить Твою, мне довольно моей; Твоя у меня что-то отнимет: время, какой-то кусочек сердца, что-то из моего живого чувства придется перенести на Тебя – а я хочу все сохранить для себя...

Разве мы не поступаем так постоянно, разве мы не страшно похожи на этих призванных, которых любил царь, любил Господь – и любит! – которых зовет к Себе, но которым на Него времени нет: земля, дела, собственное счастье – этого достаточно, чтобы оторвать нас от вечности, от Живого Бога, от самой Любви. И как же поступает Господь в этой притче? Он обращается к Своим слугам и говорит: раз призванные не захотели прийти, то позовите теперь тех, кому и в голову не пришло бы прийти, потому что кто бы их пустил? Пойдите, соберите нищих, соберите хромых, слепых, разбитых жизнью, оскверненных жизнью, таких, которые через жизнь пронесли только изнурение души и тела, лохмотья жизни, – пусть придут!

И они приходят, они спешат, они отвечают на милость – изумлением, на любовь – благодарностью, они спешат с чувством стыда: как же им предстать перед царем? Как же им войти в это Царство Божие, в эти светлые палаты Божий?.. Как же, на самом деле, в лохмотьях, которые остались нам от славы нашего первородства, войти в Царство Божие?.. В дверях встречает всякого Божия любовь, всякий встречает Спасителя Христа, Который на Кресте отдал Свою жизнь, чтобы иметь право каждому сказать: «Войди!», каждого очистить, каждого омыть, каждого одеть в брачную одежду, вернуть ему славу первородства, изначальную славу, красоту, сыновство.

И все входят, изумленные, трепетные, благодарные. Один только не в этом духе пришел; он пришел, потому что слышал, что здесь кормят. Он – голодный и сможет досыта поесть; он холодный – там будет тепло: он бездомный – там будет кров. У него нет чувства благодарности или изумления перед этим; он только радуется тому, что представился такой дивный случай утешиться за всю горькую, бездольную жизнь. И он прорывается, как бы неочищенный, непрощенный, неомытый, неосвященный, в лохмотьях и грязи своей, к пище.

Нам это кажется таким непонятным, таким страшным: неужели он не мог подумать о том, кто его приглашает, благоговейно, трепетно очиститься, чтобы хоть напоследок можно было войти в это Царство?.. Но разве не на него именно мы так постоянно похожи? Когда мы идем к Богу в молитве, когда мы идем к Богу в причащении Святых Таин – о ком и о чем мы думаем? Разве почти каждая наша молитва не исчерпывается словами: Господи, дай, дай, защити, избави, дай!.. Разве мы не употребляем как бы Самого Бога просто как источник, из которого мы можем получить все, что мы потом, как блудный сын, растратим – грехом, недостойно: недостойно не только Бога и Его любви, но и самих себя?.. дай, дай! – и ничего другого. А когда дал – как редко бывает даже, что мы скажем: Благодарю Тебя, Господи!..

Как часто люди приходят ко мне, говоря: Я хочу причаститься, потому что мне тяжело, потому что душа моя изныла, потому что жизнь во мне как-то уже не

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
жизнь, а полусмерть... Причащаемся мы тоже, чтобы от Бога взять как бы последнее: Его жизнь, Его собственную жизнь, чтобы пожить мгновение, и растратить эту жизнь. Святой Серафим Саровский говорил одному посетителю: да, Бог слышит тебя, да, – Бог исполняет твои молитвы: но разве ты не понимаешь, какой ценой? – Всей жизнью, всей страстью, всей смертью, всем сошествием во ад Сына Его Единородного...

Подумаем и мы: не похожи ли мы на первых званых, которые отказались прийти, потому что довольно им земли, не нужен им Бог и небо? Или на тех, которые Бога вспоминают только тогда, когда обездоленность дошла до предела, и они вдруг вспомнят или обнаружат, что можно от Бога получить то, что они уже имели и растратили, – хоть мгновение этим пожить, поживиться и вновь растратить? Как будет страшно – не потому, что Бог нас отвергнет, не потому, что Он нас осудит, – когда мы станем (когда-нибудь: на земле ли, после смерти ли) перед Богом и вдруг поймем, как мы были любимы и как мы были всю жизнь безразличны, забывчивы, себялюбивы: как мы к Нему относились бесчеловечно... Подумаем об этом: пусть проснется в нас все благородное и светлое: изумление перед Его любовью, перед Его красотой и личностью, благодарность перед Его милостью и лаской и заботой, тем уважением, с которым Он к нам относится, и если мы можем еще – ответим Ему любовью. Сейчас еще есть время: как бы не пришел момент, когда мы скажем: о, ужас, – поздно!.. Аминь.

4 сентября 1977 г.

Неделя 15-я по Пятидесятнице. Какая наибольшая заповедь?

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодня Христос дает нам или, скорее, напоминает нам о двух основных заповедях: о том, чтобы любить Бога всем нашим сердцем, всем нашим умом, всеми нашими силами, (то есть всей властью и способностью любить, какие нам даны) и ближнего своего любить, как самого себя.

Когда мы слышим слово «заповедь», мы всегда воспринимаем его как приказ о том, что мы должны сделать, а если не сделаем, то понесем ответственность, последует возмездие: но это слово имеет более широкий смысл. Оно означает завещание Божие нам, когда, сотворив нас, Он одарил нас свободой, способностью стоять на собственных ногах, дал нам власть выбора и власть следовать нашему призванию или отвернуться от него. И вот, это не «приказание» от Бога: это как бы напутствие или завещание в том смысле, в котором человек, когда умирает, оставляет завещание, чтобы его наследники его выполнили.

Было бы во мне желание уметь любить Бога и умом, и сердцем, и всей силой любви, какая только может сыскаться во мне!.. Но я знаю, что даже не стремлюсь любить Его с таким совершенством, с такой полнотой самоотдачи. Как странно и как печально – быть любимыми так, как нас любит Бог, и отзываться двоящимся сердцем... Он так нас любит, что призывает нас к бытию, и берет на Себя риск, потому что Он отдает нам Свою любовь, зная, что она может быть отвергнута. А мы все знаем, что значит открыть свое сердце человеку – и быть отвергнутым: ты мне не нужен; может, ты и любишь меня, – мне-то что?! Я хочу быть свободным, я хочу быть самим собой, к чему мне твоя любовь...

Мы также можем познать меру Божией любви к нам по дару Его нам во Христе: Он стал человеком, Он стал одним из нас, Он называет нас Своими братьями и сестрами, Он отдает Свою жизнь за нас! Если кто-либо (он, она) положит свою жизнь за друга, за глубоко любимого человека, тем более за человека, который даже не отдает себе отчета об этой жертве, мы были бы озадачены и потрясены, мы бы остановились и задумались, мы поставили бы себе вопросы: Как же возможно, что мне нечем, что во мне нет ничего, чем ответить на дар Христов, – на то, что не только предложено, но и дано такой ценой?! И тем не менее, я знаю о себе самом, что это так; и я думаю, что нет среди нас никого, кто не отдавал бы себе отчета, что даже и не стремится поистине любить Бога. всем своим умом, всем своим сердцем, всей силой любви, всей мощью, какая только есть!

И вот дальше нам дано слово, предостережение святого Иоанна Богослова в
Страница 34

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org одном из его Посланий: если кто говорит «я люблю Бога», но не любит своего ближнего, тот лжет; потому что как может он говорить о любви к Богу невидимому, неосязаемому, когда он даже неспособен любить своего ближнего, который конкретен, осязаем, чья нужда вопиет к нему, чья любовь предложена, подчас так щедро, подчас так робко?

И вот вторая заповедь Христа, второе слово жизни, которое Он нам предлагает: если ты хочешь научиться, как любить Бога, хотя бы зачаточно, – научись любить своего ближнего. Но как? Тотчас же, в нашей заносчивости, мы думаем, как бы нам возлюбить ближнего великодушно, героически, жертвенно: Христос же говорит: «Люби ближнего, как самого себя». Что это означает?

Прежде всего, на самом простом материальном уровне, это означает, что чем бы ты ни обладал, чем бы ты ни пользовался от жизни, позаботься, чтобы хоть один человек, один-единственный человек получил бы от тебя столько же, сколько ты берешь от жизни... И это может нас повести очень-очень далеко, потому что ничего подобного мы не делаем. Если подумать о том, сколько мы берем, и берем, и берем, и требуем, и снова требуем, а потом сказать: Хорошо! Каждое мое требование – требование моего ближнего; все, что я беру – должно быть дано той же мерой моему ближнему, хотя бы одному человеку! – то как щедра была бы жизнь! И если мы научимся этому, то очень возможно, что мы научимся любить и Бога.

И сегодняшнее Евангелие нам дает указание об этом: любить нашего ближнего, любить даже самого дорогого из близких всем сердцем, щедро мне (и каждому из нас) мешает моя сосредоточенность на себе самом. Нет другого пути, чтобы научиться любить кого бы то ни было, кроме как отрешиться от себя.

И именно это говорит Христос: отвернись от себя! «Отвернуться от себя» означает именно это: вместо того чтобы жить для себя, не глядя ни на что другое, не сосредотачиваясь ни на чем другом – отвернись, посмотри, как широка жизнь, как глубока, как богата! Отвернись от себя и посмотри; взглянись в человеческие лица, взглянись в человеческие обстоятельства: взглянись в человеческие нужды, взглянись в человеческую радость! Посмотри и увидь! – и оторвись от себя самого. И тогда ты сможешь увидеть других, какими они есть, видеть их нужду, видеть их голод, их радость, их нищетность, – и тогда ты сумеешь дать, дать. Сначала немножко: а потом чем больше ты будешь давать, тем больше сможешь давать, и любить, как любишь самого себя, той же мерой. Каждый из нас жаждет полноты жизни, исполнения, чуда жизни, – дадим его другому!

И когда мы научимся отворачиваться от себя, чтобы давать другим, мы увидим, что наше сердце стало способным повернуться к Богу открыто, любовно, благодарно, радостно!

Это начало: эта заповедь Христа «люби ближнего, как самого себя», дана слабейшим из нас, потому что каждый из нас, в конечном итоге, никого не любит лучше, чем самого себя, самоё себя. Так что вот самая простая мера. Мы знаем, что нам делать! Мы знаем, как, сколько, с какой полнотой – так сделаем же! И тогда, освободившись от порабощения, от рабства самим себе, мы увидим, как широко наше сердце, как сильно и как многих мы можем любить, и как мы можем начать любить Бога истинно, всем нашим умом, всем нашим сердцем, всей нашей силой любви в нашей хрупкости. Потому что не сила составляет сущность любви, а хрупкость, уязвимость того, той, кто отдает себя щедро, застенчиво, радостно. Аминь.

1 октября 1989 г.

Неделя 16-я по Пятидесятнице. Притча о талантах

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Прочитанная сегодня притча о талантах – одно из целого ряда пророческих предупреждений и приточных сказаний Христа о грядущем Суде. Если прочесть 24 и 25 главы Евангелия от Матфея, откуда и взята сегодняшняя притча, то мы видим, что Спаситель предупреждает нас о трех основных опасностях, которые могут привести нас к суду неготовыми. Первая опасность – это беспечность, вторая – малодушие, а третья – жизнь, недостойная человека по нечуткости и бесчеловечности.

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Беспечность описана Христом в трех притчах: первая – это беспечность
благодушная, веселая, беспечность, которую мы считаем естественной. Христос
говорит: Бдите, потому что суд, день Господень, придет внезапно, как он
пришел в дни Ноевы. Тогда люди и пили, и ели, и замуж выходили, и ни о чем
не думали большем, чем земля, чем каждодневная их радость жизни, а суд
Господень нарастал и в какой-то день разразился гневом и потопом. Будет и
позже так: две женщины будут работать у жернова – одна возьмется, другая
оставится: два человека будут в поле – один возьмется, другой оставится...
Эта беспечность – такая нам обычна, привычна, родная, благодушная,
веселая, радующаяся на жизнь и забывающая, что жизнь не такая плоская, а
что она глубокая, бездонная, что она уходит в вечность.

другая беспечность – злая беспечность, которая пользуется тем, что Бог, как
будто, не спешит прийти на расправу; но апостол Петр говорит, что Бог
медлит, потому что долготерпит о нас... В притче Господней в этой 24 главе
говорится о слуге, который был послан надзирателем над другими. Ему было
поручено следить, чтобы им было хорошо жить в доме их господина, даже когда
его нет, когда он сам не может видеть их жизнь и позаботиться о их нуждах.
А раб этот подумал: «Не скоро еще придет господин; я буду пить, есть,
веселиться, а рабов буду гнать и бить, я – господин», – воображая, будто
они в его власти, будто в отсутствие господне его достоинство – господское.
А господин вернулся, когда не ждали его, и застиг неверного раба в его
неправде, и изгнал. Это – вторая беспечность, греховая, злая, которая нам
тоже обычна. Мы тоже не спешим меняться на добро, потому что Господь за
горами, суд далек. Мы не спешим творить добро, потому что еще есть время;
когда-нибудь, когда мы устанем от зла, то успеем еще к добру вернуться, – а
день Господень идет и идет на нас, и в какой-то день, какой-то час встанет
суд перед нами и мы – перед судом.

Есть и еще одна беспечность, которую Господь описывает в притче о десяти
девах, из которых пять были умные, а пять – безумные. Это беспечность
сонливая, беспечность, которая надеется, что все еще успеется: жить,
любить, исправиться еще успеется. Не придет же Бог во время ночной стражи,
– можно еще подремать, помечтать и опомниться когда-нибудь, когда придут
какие-то предвестники суда... А суд приходит в ночи, потому что спящему
всякий час – ночь, и застигает врасплох.

Вот беспечность веселая, добродушная, как будто и не злая: беспечность
безответственная, злонамеренная, жадная, злая: и беспечность опять-таки
страшно нам обычна: завтра все успеется, а сегодня помечтаем... Это первая
группа предупреждений Господних.

А дальше – притча о талантах. Господь дает каждому дарование в меру его сил
и призывает принести плод такой же богатый, как богаты сами дарования. И
часто мы ничего с этими дарованиями не делаем: нам дается ум – но этот ум
мы не обогащаем ничем: нам дается чуткое сердце – но это сердце остается
только как возможность чуткости, а на деле дремлет в себялюбии, коснеет;
дается нам воля, порой сильная, которая остается бесплодно-бесцельной.
Многое нам дается, что мы храним в том виде, как Бог дал, а плода –
никакого. Почему?

Не всегда по беспечности, а порой потому что нами овладело малодушие,
трусливость. Нам кажется (и так оно и есть), что чтобы чего-то достичь,
надо всем рискнуть: покоем, обеспеченностью, отношениями, жизнью, – всем,
или хотя бы чем-нибудь; и мы думаем: нет, верну я Господу то, что Он мне
дал, но рискнуть потерять себя и ответить перед Богом – нет... А когда суд
приходит, оказывается, что когда-то нам данное нашим никогда не было, а все
время оставалось Господним. И часто Господь вернет это Себе и отдаст тому,
кто был готов рисковать жизнью, и покоем, и обеспеченностью, и всем телом и
душой, чтобы принести плод, чтобы не быть заживо мертвым, но быть живым и
животворящим.

И наконец, притча, которую мы читаем перед самым Великим постом, об овцах и
козлищах, о последнем суде. О чем этот суд? Не о том, что мы не имели
каких-то великих откровений, а о том, что мы не были просто людьми, не
могли сердцем человеческим, плотяным, живым отозваться на нужды, на горе,
на боль другого человека, на грозящую ему опасность. Кто не может быть
человеком на земле, тот не может быть человеком и на небе; кто в малом не
может быть человеком, тот никогда не вырастет в меру Человека Иисуса
Христа.

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
В этом предупреждение Господне о суде: суд не в том, что Господь придет и это страшно будет, а в том, что Он придет, и будет так жалко и так больно, что мы прожили жизнь, так и не став человеком: по трусости, сонливости, себялюбивой злобе или просто забывчивой беспечности. Суд в том, что мы иногда проживем всю жизнь, не заметив, что она глубока, просторна, что жизнь ключом бьет из глубин Божиих и уносит нас в эти глубины.

Вдумаемся в эти разные образы, опомнимся и станем жить не узкой, бедной жизнью, которая вся заключается в нас самих, а той просторной, глубокой, мощной жизнью, которая покоится в Боге, которая из Него получает источник безграничной силы, и которая нас уносит в вечность, где все имеет свое место, где все получает величие, потому что благодатью Святого Духа, любовью Господней человек может себя перерести и стать богочеловеком по подобию Иисуса Христа. Аминь.

1970 г. или ранее

Неделя 17-я по Пятидесятнице. Исцеление дочери хананеянки

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Хананеянка, которая приступила ко Христу, моля Его исцелить ее беснующуюся дочь, – язычница: в то время евреи, единственные, кто верил в Единого Бога, не общались с язычниками, сторонились, чуждались их. И вот эта женщина подходит ко Христу: это уже говорит о том, что она в Нем увидела нечто, чего она не видела в других, что она почуяла нечто в Нем: чутьем, сердцем уловила что-то, чтонушило ей доверие и сняло с нее страх, что она будет прогнана.

И она обратилась к Нему со словами, которые мы находим также в Евангелии от Марка на устах слепого Вартимея: Иисус, сын Давида!.. Это уже – исповедь веры: конечно, не во Христа как Сына Божия, но во Христа как рожденного от царственной ветви Давида, из которой должен родиться Спаситель мира: Иисус, сын Давида, помилуй мою дочь! Она беснуется...

А Христос идет Своим путем, молча, не отзывааясь на ее крик. И ученики обращаются к Нему: Отпусти ее, – она же за нами следует, как бы преследуя нас этим криком надежды и отчаяния... «Отпусти ее» не значит «прогони»: это значит: Неужели Ты не пожалеешь? Она же тоже человек – или нет? Или нам чуждаться таких? Разве человеческое горе в язычниках не так же страшно мучительно, как и в нас? Отпусти ее с миром...

И Христос говорит: Я не послан ко всем: Я послан к погибшим овцам израильского дома... Хананеянка же отвечает: Господи! Помоги... Она не отвечает на Его замечание, что Он не к ней послан; она просто верит, что Он ее пожалеет; она не спорит; она не утверждает: Как же так, – я тоже человек! – нет, она просто верит... И Христос испытывает ее веру еще раз; Он эту веру, конечно, знал; и хананеянка, верно, знала Его прозрение; но ученикам, вероятно, надо было измерить глубину веры, на которую способен язычник. Он ей говорит: Нехорошо отнять хлеб от детей и отдать псам... Эти слова кажутся такими жестокими, беспощадными; мне кажется, что их можно понять, если представить себе Спасителя, опустившего Свой взор – внимательный, вдумчивый, сострадательный взор – к поднятым глазам этой женщины; она слышала эти слова – как она слышала и другие жесткие слова – но она слышала их, и одновременно видела лик Божественной Любви, обращенный к ней. И она отвечает как бы с улыбкой: да нет, Господи! Ведь и собаки питаются от крупиц, которые падают со стола их хозяев... Это можно сказать только из глубины веры и из сознания, что жестокие слова не исходят из черствого сердца.

И Спаситель тут, как в других случаях, на веру отзывается любовью и Своей властью целить, миловать и спасать: О женщина! Велика вера твоя! Да будет тебе по желанию твоему. И исцелилась дочь ее в тот час. Здесь мы видим еще и еще раз, что нет предела, нет границ Божию состраданию, что Он не делит людей на верующих и неверующих, на своих и чужих: для Него чужих нет – все свои; но вместе с этим Он и ожидает и требует от нас не легковерия, а истинной веры, готовности довериться Богу, но и готовности пробиться к Богу криком, мольбой, верой. И этому мы должны научиться от хананеянки. Аминь.

11 октября 1981 г.

Неделя 18-я по Пятидесятнице. Чудесный улов рыб

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшнее апостольское послание нам говорит, что сеющий скудостью – скудостью и пожнет, а сеющий богато соберет богатую жатву. И вот нам кажется иногда: что мне сеять, – я так убог: как я могу сеять, когда у меня нет ничего, что я мог бы посеять в жизнь вечную, не временное, а вечное?.. И тогда мы должны помнить, что и сеатель земной, который сеет семя в поле, не свое сеет; не он создавал семя, не ему оно принадлежит. Господь создал семя, Господь дал силу, Господь раскрыл поле перед ним, и это семя – Господне семя; оно принесет плод не потому, что сеатель богат, не потому, что он умеет сеять, а потому что он щедро расточает по всему полю то, что Господь ему дает из часа в час. Он не может присвоить себе этого семени, он не может даже почувствовать, что он богат, а только что из его рук льется это семя по лицу земли, и верить, что принесет это семя плод.

И вот, в некоторые мгновения жизни бывает, что сеешь: сеешь от сердца, сеешь с любовью: сеешь, однако, со стесненным чувством, что ты так убог, что давать-то нечего. И вдруг вспомнишь, что Господь – великий Сеатель, что Он семя создал и сеет и дает плод этому семени, и возгревает его солнцем, и возвращает его...

Христос вошел в лодку Петра и повелел ему отчалить от земли, и говорил Он, словно семя лилось и ложилось в души человеческие. Петр тогда не замечал, что творит Господь, но когда Спаситель ему сказал: «Вверзи невод в море», и когда он собрал столько рыб, что не мог внести улов в корабль, вдруг перед ним встал образ Того, кто сеял это семя. Здесь как будто притча: Христос сеял слово, и никто не замечал, какое это богатство: но когда Петр извлек множество рыб, он вдруг обнаружил богатство, которое дает Господь, словно семя процвело. И ему стало страшно: Отойди от меня, Господи, я человек грешный, мне страшно стоять с Тем, Кто это может сотворить... Но Христос его успокоил: Не бойся, ты будешь отныне не рыбу ловить, а собирать в невод Господень живые человеческие души, приносить их, извлекать их из бури, для того чтобы они вошли в покой... И Петр все оставил и вместе со своими товарищами пошел за Христом.

Какой нам богатый урок, как это просто! Идти за Христом для нас не значит куда-то уходить, это значит оставаться при Нем и так же сеять, как Он сеял, и так же собирать в Царство Небесное, как Он собирал. Сеять, не задумываясь над тем, богат я или беден: была бы любовь – семя даст Господь. И когда вдруг обнаружишь, как страшно наше дело, потому что это самое Божие дело, будем слушать Божие слово: Не бойся: сей: сей открытым, любящим сердцем. Соберешь ты богатую жатву, но и семя было не твое, и жатва будет Господня... Какая радость! действительно придет время, о котором в Евангелии говорится, что вместе возрадуется и сеющий, и собирающий жатву. Аминь.

1971 г. или ранее

Неделя 19-я по Пятидесятнице. О христианской любви

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В сегодняшнем евангельском чтении Христос говорит о христианской любви не общими словами, а конкретно и очень просто и доступно. Любовь делается христианской, Божественной, когда человек, любя, забывает себя. Забыть себя до конца дано святым, но любить, не ища награды, не прося, не требуя, не вымогая любви за любовь, не вымогая благодарности за ее проявление – начало христианской любви. Она расцветает в любовь Христову, когда свободный дар любви достигает не только до любимых (это умеют делать все), но до нелюбимых, до тех, которые нас ненавидят, которые нас считают врагами, которые для нас считаются чужими. Если мы не умеем нашей любви распространить на тех, которые нам враги, это значит, что мы еще помним только себя и что все наши действия, все наши чувства исходят от непреображенного еще человеческого сознания, которое находится вне тайны Христа. Мы призваны любить щедрым сердцем, а щедрость, даже природная, заключается в том, что человек жаждет давать, ликует, когда он может отдать

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org не только ему ненужное, но самое ему драгоценное, в конечном итоге – свое сердце, свою мысль, свою жизнь. Мы не умеем любить, но вся жизнь – школа любви, или наоборот, страшное время темного, холодного отчуждения.

И вот Христос нам открывает путь, как научиться любви: каждый раз, как на пути любви я себя самому вспомню, каждый раз, как я встану препятствием между своим живым, истинным движением сердца и действием, я должен обернуться к себе и сказать: Отойди от меня, сатана (Мк. 8, 33): ты помышляешь о земном, а не о небесном... Каждый раз, как, проявляя любовь, я буду требовать ответной любви, благодарности за благодеяния, я должен обратиться к Богу и сказать: Прости, Господи, я осквернил тайну Божественной любви... Каждый раз, когда в ответ на чужую ненависть, на клевету, на отвержение, на отчуждение я замкнусь и скажу: Этот человек мне чужой, он мне враг, – я должен знать, что для меня – не только во мне, но для меня самого – закрылась тайна любви, я вне Бога, я вне тайны человеческого братства, я не ученик Христов.

Вот путь; Христос не напрасно говорит, что путь в Царство Небесное – узкий, что врата узкие: очень узок этот путь, очень требовательна заповедь Христова, беспощадно требовательна, потому что она относится к области любви, а не закона. Закон определяет нам правила жизни, но он всегда где-то кончается, и за этим пределом мы от него свободны. Любовь же предела не знает; она требует нас до конца, всецело. Мы не можем только какой-то частью души согреться; если мы это допустим, мы потухнем, охладеем. Мы должны запылать всем нашим сердцем, и волей, и телом, и превратиться в купину неопалимую, в тот куст, который видел Моисей в пустыне, – который горел всем своим существом и не сгорал. Человеческая любовь, когда она не освящена Божественной тайной, поедает вещества, которым питается. Божественная любовь горит, превращает все в живое пламя, но не питается тем, что горит; в этой Божественной любви сгорает все, что не может жить вечно; остается чистое и светлое пламенение, которое превращает человека в Бога, как Ветхий Завет говорит, как Христос повторяет. Будем учиться ценой ожога любви, ценой отвержения от себя, ценой жертвы – будем учиться этой любви. И только тогда сможем мы сказать, что мы стали учениками Христа. Аминь.

28 октября 1973 г.

Неделя 20-я по Пятидесятнице. Воскрешение сына наинской вдовы

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

В чудесах Христовых открывается богатое и изумляющее нас отношение Бога к нашей земле и к нам, людям. С одной стороны, Его сострадание – не только способность любить и жалеть как бы извне, но сострадать вместе с нами, глубже нас (потому что Он бездонно глубок) пережить страдание, скорбь и, порой, ужас нашего земного бытия. В сегодняшнем рассказе мы слышим, что жалко стало Христу этой матери, вдовы, потерявшей единственного сына, жалко, больно, потому что не на то Он творил мир, не на то рождался человек, не на то мать его произвела на свет, чтобы прежде всего он умер. И в этой жалости Христовой, в этом сострадании Христа, способности вместе с нами страдать нашим страданием, открывается одна из сторон Божиего отношения к нам и к миру. Но с другой стороны, все эти чудеса, вся эта забота, тревога о мире не говорят ли о том, что Богу так же дорога земля, как Ему дорого небо? Мы всегда думаем о Боге как бы оторванном от земли, о Боге небесном. Но это неправда: земля Ему бесконечно дорога.

Один из отцов Церкви говорил, что имя «Отец» более значительно и более правдиво говорит о Боге, чем слово «Бог», потому что слово «Бог» указывает на различие, на расстояние, на то, что мы и Он разделены – природой, святостью; в слове же «Отец» указывается близость, родство.. И вот во Христе, Христом, нам Бог открывается как Отец. Ничто земное Ему не безразлично, не чуждо. Он создал небо и землю равно, Он равно живет земной и небесной жизнью. Сначала творческой любовью и водительством, а затем и самим воплощением Слова Божия земля и небо соединились, Бог и тварь стали родными друг другу, мы стали для Бога своими и Он для нас стал свой. Христос по человечеству нам родной, Он нам брат, и отношение Божие к земле должно быть и нашим отношением: зоркой, зрячей любовью должны мы взглядываться в судьбу земли. Дела Божий на земле превосходят все, что мы можем совершить, все, что мы можем надеяться сотворить, и однако, в нас и

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
через нас Он творит дела поистине Божественные.

В сегодняшнем рассказе мы слышим, как Спаситель воскресил, вернул к жизни земной, включил в земную трагедию и радость человека, который прошел через нее и теперь от нее почил. Он вернул человеку жизнь – временную, бурную, сложную, чтобы он в этой жизни творил: не просто прозябал, а творчески жил и действовал. Нам тоже дано, если только мы этого захотим искренним сердцем, если мы только приложим к тому творческое и, порой, крестное усилие, возвращать к жизни людей, которые для этой жизни умерли, людей, которые потеряли надежду и продолжают существовать, но больше не живут, людей, которые потеряли веру в Бога, веру в других людей, веру в себя, и которые живут во мраке и отчаянии. Нам дано возвращать к жизни тех, которые жизнь потеряли, для которых осталось одно мертвое, серое, тусклое существование. Этим мы действуем вместе с Богом: и вернуть человеку веру в себя, веру в человека, веру в Бога, веру в жизнь так же важно, как его вернуть к жизни, подобно тому, как совершил чудо Христос. Аминь.

15 октября 1972 г.

Неделя 21-я по Пятидесятнице. Притча о сеятеле

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

два раза говорит Христос в прочитанном сегодня отрывке о слышании: «имеющий уши слышать да слышит» и «внемлите, как вы слышите» – то есть обратите внимание, поставьте перед собой вопрос о том, как вы слышите слово Божие.

Божие слово мы слышим из года в год в Евангелии, читаемом в церкви, мы сами читаем его изо дня в день; что же мы услышали в этом евангельском чтении? Мы встретили Бога и поверили в Него; мы встретили Господа нашего Иисуса Христа, мы назвались Его именем, христианами: но какие плоды принесли мы? Мы знаем Бога, – знаем, что Бог есть Любовь, любовь неистощимая, любовь бездонная, любовь крестная, такая любовь, которая себя отдала на полное растерзание и беззащитность, чтобы нас спасти. Разве мы похожи на Того Бога, в Которого мы верим? Если мы верим в любовь, если любовь – последнее и все, что составляет смысл жизни, – можем ли мы сказать, что мы эту благую, спасительную весть о любви услышали не только слухом, но и умом, и сердцем? Услышали сердцем так, чтобы загореться любовью, услышали умом так, чтобы постоянно ставить себе вопрос: слова, которые я говорю, мои действия, поступки, моя жизнь в целом – выражают ли любовь или являются отрицанием всей моей веры?.. Потому что если мы не воплощаем любовь в жизнь, то наша вера только на словах.

Перед тем как произносим Символ веры, поем «Верую...»: мы призваны вспомнить об этом: Возлюбим друг друга, чтобы единым сердцем исповедовать Отца и Сына и Святого Духа... Если мы друг друга не любим внимательно, вдумчиво, творчески, жертвенno, когда это нужно, и радостно, – то, когда мы произносим эти слова о Троичном Боге, Который есть Любовь, мы не веруем, мы только притворяемся.

Поставим же перед собой этот вопрос со всей остротой, со всей серьезностью: богоотступник не только тот, кто отрицает существование Бога, нехристъ не только тот, кто отмечает Христа как своего Спасителя. Мы можем быть еретиками, нарушителями и попирателями веры, если ничем наша жизнь не свидетельствует, что Бог-Любовь зажег нашу душу новой, сверхземной любовью, что Он нас научил любить так, как на земле научиться нельзя, как можно научиться только от Бога... Поставим этот вопрос, и ответим на него дерзновенно, смело, радостно, не словами, а жизнью: и тогда жизнь наша расцветет, когда осуществится то, что нам обещал Христос, когда говорил: Я принес вам жизнь, жизнь с избытком – такую полноту жизни, какую земля не может дать. Аминь.

28 октября 1979 г.

Неделя 22-я по Пятидесятнице. Притча о богаче и Лазаре

во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Я хочу обратить ваше внимание на два момента в сегодняшнем евангельском чтении. Во-первых, на заключительные слова Спасителя: если мы не сумели послушать Моисея и пророков, то есть того множества свидетелей, которые от начала времен нам говорили о Боге и о Его правде, то и Воскресший не убедит нас ни в чем... Тем, кто тогда его слушал, это слово казалось таким непонятным, - но разве теперь эти слова не ясны для нас? Воскres Христос, явился в славе Своего Божества и во всей красоте и величии Своего человечества - и все равно мы, христиане, слышим Его слова, дивимся Его учению, поклоняемся Ему, и так далеки остаемся от того, чему Он нас учил. Разве кто-то может в нас узнать учеников Христовых так, как можно было их узнать в лице ранних Его учеников и апостолов? Тогда печатью апостольства, печатью христианства была непостижимая для земли любовь христиан одного к другому и любовь их крестная, жертвенная ко всему миру; они были готовы свою жизнь отдать для того, чтобы другой человек, им чужой, порой их ненавидящий, мог поверить в благовестие Христово и ожить новой жизнью. Как далеко от этого то, что люди могут видеть в нас!

И это приводит меня ко второму, что я хотел сказать. Кто-то из древних сказал: нет более страшного места отлучения, чем то место, где будут неверные христиане... Когда мы читаем эту притчу, мы всегда думаем о Лазаре и о богаче, думаем о других: но что если эта притча обращена к нам? Разве мы не похожи на этого богатого человека? Какое несметное богатство у нас есть духовного ведения! Мы знаем Бога; мы познали Христа: нам открылось Его учение; нам даны Его таинства: в нас обитает Его благодать, веет в Церкви Святой Дух - а мы все равно остаемся самодостаточны, замкнуты и стараемся жить привольно, обеспеченно этим богатством, которое Господь нам дает. Рядом с нами тысячи и тысячи людей изголодались, готовы бы покормиться крупицами, которые падают постоянно с нашего стола, - но мы им не даем: Православие принадлежит нам, вера принадлежит нам, все принадлежит нам!.. А другие люди у нашего порога, под лестницей нашей, у нашей двери голодают, умирают с голода, и не получают порой ни одного из тех животворящих слов, которым они могли бы ожить...

Мы знаем слишком много, мы слишком богаты; древние святые «невежды», не имевшие доступа к тому множеству книг, которые мы можем читать, иногда слышали одно евангельское слово и на нем строили святость целой жизни. А мы читаем, читаем, слушаем, молимся - и святость не вырастает среди нас, потому что мы скучны, как тот богач, который хотел все себе сохранить, которому не жалко было другого человека.

И вот Евангелие говорит нам, что умер бедный - может быть, просто изголодавшись у двери богатого, - и ангелы унесли его в лоно авраамово, в рай Божий. Умер и богатый - но ни один из ангелов не подошел к нему: скончали его подобные ему жадные и богатые, скончали его в сердце земли; умер он, и оказался перед лицом суда. И не потому, что он был богат, а Лазарь беден, не потому просто, что ему досталось в жизни светлое, а тому только горькое: потому что все светлое, что у него было, он жадно сохранил и ничем не поделился: теперь и бедняк - такой теперь богатый в вечности - не может поделиться с ним ничем...

Подумаем о нашем Православии, подумаем о богатстве нашем, подумаем о том голоде, который вокруг, среди инославных, среди неверующих, среди безбожных, среди ищущих и не ищущих - и не останемся подобными этому богачу, чтобы и над нами не произнес Господь Свой суд: Я воскres - и Мне вы не поверили!.. Но какая радость будет у Спасителя, и у ангелов Божиих, и у Отца нашего небесного, и у Матери нашей, Богородицы, и у святых, и у грешников, если мы окажемся простодушными и щедрыми, и если все наше богатство мы будем давать: давать, не стараясь ничего сохранить - потому что человек только тем богат, что он отдал по любви. И тогда и среди нас, и в наших душах откроется Царство Божие, Царство торжествующей, ликующей, все победившей любви. Аминь.

30 октября 1977 г.

Неделя 23-я по Пятидесятнице. Исцеление гадаринского бесноватого

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Рассказ, который мы только что слышали, ставит нас лицом к лицу с тремя различными и несовместимыми положениями. Мы видим, во-первых, отношение к

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org одержимому человеку сил зла, бесов, сил зла, которые всячески стараются его поработить, не оставить в нем ничего, что не было бы им подвластно, что не принадлежало бы им до конца, чем они не могли бы воспользоваться, чтобы творить свое зло. Эти силы бесовские можно назвать всеми названиями греха человеческого: если только мы даем власть в себе какому-либо греху, мы делаемся рабами греха (об этом и апостол Павел говорит подробно). И если мы делаемся рабами греха, то перед нами участь этого человека: всю жизнь прожить как оружие зла на земле, в безумии, в страдании, в творении зла.

Но за этим стоит более страшное. Бесы просили, чтобы Христос их послал в стадо свиное. Свиньи для евреев означали нечистоту: выбор бесов пойти в стадо свиное говорит о том, что все зло, которое в нас качествует, которое мы творим, которому мы прилепляемся, которому мы даем власть над собой – это именно осквернение и предельная нечистота. А предел этого порабощения мы видим опять-таки в судьбе свиного стада: оно погибло, ничего не осталось от него. Оно исполнило свое задание, и было уничтожено. Вот отношение сил зла к нам, к каждому из нас, ко всем нам в совокупности: к общинам, семьям, государствам, вероисповеданиям, – ко всем без исключения.

И вместе с этим мы видим отношение Спасителя Христа. Перед Ним – вся трагедия Вселенной, и Он, как бы забывая эту трагедию Вселенной, вернее, видя ее воплощенной, трагически, в одном человеке, оставляет все ради того, чтобы спасти этого человека. Умеем ли мы это сделать? Умеем ли мы забыть о больших задачах, о которых мы мечтаем, ради того, чтобы сосредоточить свое внимание, отдать свое сердце до конца, творчески, трагически, крестно одной-единственной нужде, которой мы можем помочь?

И третий образ – это образ людей гадаринских, которые знали, в каком состоянии этот бесноватый, видели ужас его бесноватости и слышали о том, что Христос его исцелил и какой ценой: цена была погибель их стада. И они пришли ко Христу, прося Его уйти, оставить их пределы, не творить более чудес, которые им «дорого стоят»: даже не жизни, не покоя, а вещественного богатства... Вот о чем они просили: Уйди от нас! Твои чудеса, Твоя Божественная любовь слишком для нас накладны – уйди!

Нам надо подумать о себе. Мы можем себя увидеть в образе этого бесноватого, потому что каждый из нас во власти тех или других страстей. В ком нет зависти, в ком нет горечи, в ком нет ненависти, в ком нет тысячи других грехов? Мы все, в той или другой мере одержимы, то есть под властью темных сил, а это и есть их цель: овладеть нами, чтобы мы стали ничем иным как орудием зла, которое они хотят творить и могут творить только через нас, но одновременно сделать нас не только творцами зла, но и страдальцами...

Подумаем о себе по отношению к другим людям: не хотим ли мы ими обладать? Не стараемся ли мы над ними властвовать, их поработить, сделать из них орудия нашей воли, предметы наших вожделений? Всякий из нас может в себе найти именно такие свойства, такие поступки, и увидеть вокруг себя такие именно жертвы.

И наконец, подумаем: мы Христовы. Неужели мы, будучи Христовыми, не выберем путь Христов, крестный, жертвенный путь, который может дать свободу другим, новую жизнь другим, если только мы оторвемся от всего того, что нас занимает, ради того чтобы обратить внимание на одну реальную, жгучую нужду? Подумаем об этом; потому что Евангелие к нам обращается не для того только, чтобы нам представить образы; Евангелие – призыв и вызов: где ты стоишь, кто ты, с кем ты?.. Каждый из нас должен себе ответить, и ответить Богу: кто мы? где мы? Аминь!

10 ноября 1991 г.

Неделя 24-я по Пятидесятнице. Исцеление кровоточивой женщины и воскрешение дочери Иаира

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Сегодняшнее евангельское чтение нам повествует о двух чудесах Господних: об исцелении женщины, которой никакие человеческие силы, никакое человеческое знание, никакая добрая воля людей не могли помочь. И о том, как в ответ на мольбу родителей, в ответ на их скорбь и тоску Спаситель Христос вызвал обратно к жизни земной молодую девушку.

Много рассказов в Евангелии о чудесах Господних: и каждый из них, являясь одновременно и исторической реальностью, говорит нам нечто и о нас самих. Изо дня в день с каждым из нас происходит чудо Божие: силой Божией мы остаемся живыми: силой Божией мы восстаем от болезни: силой Божией от отчаяния мы возвращаемся к надежде, от греха возвращаемся к чистой, просветленной жизни. Это такие же чудеса, как исцеление тела. И мы привыкли к ним, и мы считаем это обычным, потому что так постоянно нас взыскиает Господь Своей милостью, Свои любовью и Своей творческой, восстанавливающей силой. Но вот, случись с другим человеком нечто подобное тому, что с нами бывает постоянно, покажись нам, что человек до конца стал зол, потемнел беспросветно, умер душой, что нам никакими силами – ни убеждением, ни пристращенном, ни мольбой, ни любовью его не вернуть к жизни – и уже подобно людям, которые окружали одр умершей девочки двенадцати лет, мы говорим Господу: Ты ничего не можешь сделать, – зачем Ты пришел? Что Ты можешь сделать: этот человек уже умер, ему возврата к жизни нет... Мы забываем про дочь Иаироvu, мы забываем про ребенка, которого в Нине воскресил Господь, забываем про Лазаря. Но главным делом, забываем о том, как Господь нас от смерти восставляет к жизни все время: от греха, от злобы, от отчаяния, от потемнения души, от того, что ничего в нас, как будто, живого не осталось, ходим, будто труп... И если всмотреться в этот рассказ, мы видим, как Христос идет в этот дом горя, в этот дом, где есть подлинное, истинное горе матери, отца, настоящих, подлинных друзей – и общее сострадание, сочувствие других: и мы слышим, как Ему говорят: Зачем Ты пришел? Она умерла!.. И Христос берет с Собой только трех учеников, которые по рассказам и житиям представляют собой образ веры в лице Петра, любви – в лице Иоанна и праведности – в лице Иакова. С Собой берет Он и мать и отца, которые представляют собой чистое горе. II в этом контексте веры, надежды, и чистоты, и подлинной мольбы о истинной, реальной нужде Христос восстанавливает умершую к жизни.

Это могло бы случаться постоянно вокруг нас: я не говорю о телесном воскрешении, но говорю о воскрешении душ человеческих. Но мы так часто стоим между чудом и человеком, и говорим: Стоит ли обратиться к Богу, – что Он может сделать?.. Несколько лет тому назад, когда я говорил о возможности определенному человеку ожить, стать новым, творческим, мне было отвчено: Никакая сила из него человека не сделает!.. II тогда я обратился к говорящему и спросил: А скажи – неужели ничего Господь в твоей жизни не совершил? Неужели Он тебя не изменил до самых глубин, когда ты к Нему обратился?. И когда этот человек мне ответил: Да, с тех пор, как я стал православным, все стало ново, – я сказал: II ты после этого смеешь говорить, что Господь бессилен другого восставить?..

Вдумаемся в эти случаи: и в евангельский рассказ, и в тот случай, который я вам поведал: вдумаемся, потому что вокруг нас бесчисленное множество людей, которым нужно ожить душой, нужно обновиться, стать новыми людьми – но мы их ко Христу не приводим: мы не говорим им, что все возможно, мы не зажигаем в них такую надежду, такую веру, такое вдохновение, которые могут скечь все, так, чтобы осталось только пламенение и свет.

Вдумаемся в это, и когда встретим человека, который нам кажется мертвым, – приведем его к Тому, Который есть и Жизнь, и Полнота жизни, и Любовь. Аминь.

20 ноября 1983 г.

Неделя 24-я по Пятидесятнице. Исцеление кровоточивой женщины и воскрешение дочери Иаира

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Я хочу обратить ваше внимание на две или три черты сегодняшней притчи. Нам сказано, что некий человек шел из Иерусалима в Иерихон. В Ветхом Завете Иерусалим был местом, где пребывает Бог: это было место поклонения Богу, место молитвы. Человек этот был на пути в низину, с горы видения он спускался туда, где протекает человеческая жизнь.

На этом пути на него напали, сняли его одежду, ранили и бросили при дороге. Три человека, один за другим, шли этой дорогой. Все трое побывали там, где живет Бог, все трое были в месте служения Богу, поклонения Ему, в месте

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org молитвы. II двое из них прошли мимо раненого. Текст так ярко описывает, что священник просто прошел мимо: нам даже не сказано, что он хоть взглянул на него. Он был человек обезпеченный, ему дела не было (так, во всяком случае, он думал) до человеческой нужды: он ничему не научился из молитвы Богу, Который – сама Любовь. Затем прошел следующий, левит, человек сведущий в Писании, но не знающий Бога. Он подошел, постоял над умирающим раненым – и пошел дальше. Его ум – казалось ему – поглощен более высокими вещами, чем человеческая жизнь, человеческое страдание.

И наконец, прошел человек, который в глазах иудеев был презренен в самом своем бытии: не за свои личные, нравственные или иные недостатки, а просто потому что он был самарянин – отверженный; в Индии его называли бы парией. Этот человек остановился над раненым, потому что он-то знал, что такое – быть отверженным, что такое – быть одиноким, что значит, когда мимо тебя проходят с презрением, а порой и с ненавистью. Он склонился над раненым, сделал, что мог, для облегчения его страданий, отвез его в покойное место: и все это он сделал ценой собственной. Он не только оплатил гостиннику уход за раненым: он отдал свое время, свою заботу, свое сердце. Он заплатил всеми возможными способами, какими мы можем заплатить, оказав внимание окружающим нас людям.

Мы провели целое утро в присутствии Самого Бога, в месте, где Он обитает: мы слышали, как Его голос говорил нам о любви: мы провозглашали, что мы верим в этого Бога, Который – сама Любовь, в Бога, Который отдал Своего Единородного Сына ради того, чтобы каждый из нас – не все мы коллективно, но каждый из нас лично – мог получить спасение. Мы сейчас выйдем из этого храма: в течение предстоящей недели или до следующего посещения храма мы встретим много людей. Окажемся ли мы подобными священнику? или левиту? Пойдем ли мы, размышляя о том, что мы здесь узнали, храня в сердце изумление и радость, но проходя мимо каждого встречного, потому что мелкие заботы могут нарушить наш покой, отвести наш ум и сердце от чуда встречи с Богом, от Его присутствия? Если так мы поступим, то мы мало что поняли (если вообще что-то поняли) о Евангелии, о Христе, о Боге. А если мы, подобно юноше, подобно книжнику, спросим: «Но кто мой ближний? Кто тот, ради которого я должен быть готов расстаться с глубочайшими переживаниями моего сердца, с самыми возвышенными размышлениеми, с наилучшими моими чувствами?» – ответ Христа прост и прям: Всякий! Всякий человек, кто нуждается в тебе, на любом уровне: на простейшем уровне пищи или крова, чуткого внимания, заботливости, дружелюбия.

А если однажды (этот день может и никогда не наступить, но может прийти в любой момент) от нас потребуется больше, мы должны быть готовы любить нашего ближнего, как нас тому учит Христос: с готовностью жизнь нашу положить за него. «Положить жизнь» не означает умереть; речь идет о том, чтобы изо дня в день отдавать нашу заботу всем тем, кто в ней нуждается; тем, кто в печали и нуждается в утешении: тем, кто в растерянности и нуждается в укреплении и поддержке; тем кто, голоден и нуждается в пище; тем, кто обездолен и, может быть, нуждается в одежде: и тем, кто в душевном смятении и, может, нуждается в слове, которое изольется из той самой веры, которую мы черпаем здесь и которая составляет самую нашу жизнь.

Выйдем же отсюда, вспоминая эту притчу не как одну из самых прекрасных сказанных Христом вещей, но как прямой путь, на который Он призывает нас встать. Она учит нас относиться друг ко другу, оглядываясь вокруг внимательным взором, помня, что порой малейшая ласка, одно теплое слово, одно внимательное движение может перевернуть жизнь человека, который в одиночестве стоит перед лицом собственной жизни. Пусть поможет нам Бог быть подобными милосердному самарянину на всех уровнях и по отношению ко всем людям. Аминь!

29 ноября 1987 г.

Неделя 26-я по Пятидесятнице. Притча о безумном богаче

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Конец сегодняшнего Евангелия – предупреждение о том, о чем мы все могли бы знать все время: что за плечами у нас стоит смерть, и что многое-многое из того, что мы делаем, погибнет после нас как ненужное, как тленное.

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
Но значит ли, что предупреждение Христово о смерти, стоящей за нашими плечами, должно нас испугать и лишить сил творческих? Нет, наоборот! Отцы говорили: Имей постоянную память смертную, – не в том смысле, чтобы мы этой смерти боялись и жили как бы под нависшей над нами тенью, а в *том* смысле, что только сознание, что жизнь коротка, что она может кончиться в любое мгновение, способно дать каждому мгновению окончательное значение, а всей жизни – сознание, что надо спешить делать добро, спешить жить так, чтобы, когда бы ни застигла нас смерть, она застигла нас в момент торжества жизни.

Как бы мы жили, с какой глубиной, с какой интенсивностью, если бы это сознание в нас было постоянно, если мы знали бы, что слова, которые я сейчас говорю вам, могут быть последними: как бы я их говорил, как бы вы их слушали! Если у кого из нас было бы сознание, что человек, с которым мы сейчас общаемся, через несколько минут может умереть – как бы мы заботились, чтобы наши слова, наши действия по отношению к нему были завершением всей любви, всей заботливости, на какие мы способны, чтобы они были торжеством всего самого великого, что между нами есть...

Мы *потом* живем плохо, потому столько говорим пустых слов, слов гнилых, слов мертвых, потому столько поступков совершают, которые потом в нашей душе, как рана, горят, что мы живем, словно пишем только набросок жизни, которую мы будем жить «когда-нибудь», позже, когда сможем этот черновик превратить в окончательную повесть. Но это не так, смерть приходит, набросок остается черновиком, жизнь не прожита, а только замарана, и остается жалость о человеке, который мог бы быть велик, и оказался таким малым, ничтожным...

Вот о чем говорит сегодняшнее Евангелие: не о том, чтобы мы боялись смерти, а о том, чтобы мы знали: потому, что она может прийти в любое мгновение, каждое мгновение должно быть совершено, каждое слово должно быть словом жизни, чтобы в нем веяло Духом, чтобы оно могло войти в вечность, и каждый наш поступок должен быть, по отношению к каждому из нас, таким, чтобы он давал жизнь и выражал всю полноту, всю глубину, всю силу любви, благоговения, которые должны быть у каждого из нас по отношению к каждому и ко всем.

Вдумаемся в это, и если так будет, тогда каждый поступок, каждое слово приобретет масштаб вечности и засияет вечностью. Аминь.

Неделя 27-я по Пятидесятнице. Исцеление согбенной женщины

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Исцеление Спасителем Христом в субботний день женщины, которая восемнадцать лет была согнута болезнью – один из многих примеров подобных исцелений именно в день субботний, то есть в день, когда по израильскому закону человеку не полагалось совершать никаких дел: полагалось отдохнуть. Этот отдых был установлен как бы символом того, что в седьмой день Господь почил от дел Своих, сотворив мир. Этот день субботний, этот седьмой день был днем, когда человек должен был отдохнуть: не просто отвернуться от тех трудов, которые приносили ему наживу или были всецело обращены к земле, но собрать в себе новые силы жизни.. Такое же установление было о земле: седьмой год был годом отдыха земли: поле, которое пахали шесть лет, на седьмой год не пахали, давали ему отдохнуть, и только на восьмой год, то есть в первый год новой седмицы, его вновь вслачивали. И опять: центр тяжести этого закона в том, чтобы в этот гол собирались новые жизненные силы и потом могли бы расцвести.

И те исключения, относящиеся к отдыху седьмого дня, которые мы находим в Ветхом Завете, именно те, которые упоминает Спаситель, направлены к тому же: в день субботний разрешалось отвязать своего осла, своего вола, вести свой скот на водопой, потому что это был день, когда жизнь должна была восторжествовать над трудом: не праздный отдых, а собирание жизненных сил. И Христос так часто совершает чудо в этот седьмой день, как бы подчеркивая, что в седьмой день должна вернуться жизнь, должна вернуться цельность, должна вернуться сила всем, кто ее утратил, всем, в ком она начинала погасать.

Но есть еще и другое значение, как мне кажется, этому чудотворению Христову в субботний день. Когда Бог почил от дел Своих, Он не оставил сотворенную Им землю, сотворенный Им космос на произвол судьбы: Он продолжал окружать

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org его заботой и любовью. Но конкретную заботу о земле Он вручил человеку, который принадлежит как бы двум мирам. С одной стороны, он от земли, он принадлежит всему ряду живых существ, которые Бог сотворил. А с другой стороны, он принадлежит миру духовному: он не только создан по образу и подобию Божию, но в нем живет дух, который делает его своим и родным Самому Богу. И призвание человека было в том, как говорит святой Максим Исповедник, чтобы, будучи одновременно гражданином Царства духа и гражданином земли, соединить землю и небо, так, чтобы земля была пронизана Божественным присутствием, пронизана была духом жизни. Седьмой день – это вся история, во главе которой должен был стоять человек, как бы путеводя весь мир в Царство Божие.

Но человек своего призыва не исполнил: он изменил и Богу, и земле, и своему ближнему: и он предал землю под власть темных сил; он совершил предательство. И земля, и ее исторические судьбы, и личная судьба человека уже под властью сил зла. И когда родился Христос, единственный безгрешный, единственный подлинный, истинный Человек, Он стал средоточием истории, Он стал главой сотворенного мира, Он стал его путеводителем. И поэтому столько чудес совершается Им именно в субботний день, тот день, который есть символ всей человеческой истории. Этими чудесами Он говорит о том, что порядок подлинной истории в Нем восстановлен, и Им восстанавливается везде, где человек отвернется от зла, перестанет быть предателем и войдет в труд Божий о претворении земного мира в мир небесный. Аминь.

13 декабря 1981 г.

Неделя 28-я по Пятидесятнице. Притча о званых на вечерю

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Кончается сегодняшнее евангельское чтение очень страшными словами: Много призванных, а мало избранных... Господь, Который сотворил мир для того, чтобы поделиться с ним вечной, Божественной радостью, встречается, однако, в этом мире с холодным отказом; Он призывает всех – но избрание зависит от нас; Он всех сотворил любовью для радости и вечной жизни – но мы должны ответить любовью на любовь и войти в ту радость, которую нам предлагает Господь. И картина, которая нам дается в сегодняшнем Евангелии, такая простая и так точно описывает все состояния нашей души, все причины, по которым нам на Бога нет времени, к вечности нет интереса.

Приготовил Господь пир веры, пир вечности, пир любви, и посыпает Он за теми, которых Он давно предупредил, что будет такой пир и чтобы были готовы к нему. Один отвечает: я купил клочок земли, надо мне его обозреть, надо мне им овладеть; ведь земля – моя родина; на земле я родился, на земле живу, в землю же лягу костыми, как мне не позаботиться о том, чтобы хоть какой-то клочок этой земли был мой? Небо – Божие, а земля пусть будет моя... Разве мы не так поступаем, разве и мы не стараемся укорениться на земле так, чтобы уже ничто нас не поколебало, так обеспечить себя землей и на земле? И думаем, что вот-вот обеспечим себя; что придет время, когда все земное будет сделано, и тогда будет время подумать о Боге.

Но тут мы слышим и второй пример, который нам дает Господь: к другим званым послал Он Своих слуг, а те ответили: пять пар волов мы купили, надо нам их испытать, – у нас есть задание на земле, у нас есть работа, мы не можем оставаться без дела; мало принадлежать земле – надо принести плод, надо за собой оставить след. Нам некогда пировать в Царстве Божием, оно слишком рано приходит со своим призывом к вечной жизни, к созерцанию Бога, к радости взаимной любви, – надо на земле что-то еще закончить... А когда все будет сделано, когда останутся для Бога только жалкие остатки человеческого ума, тела, сил, способностей, тогда пусть то, что останется от земли, Он Себе берет; но сейчас дело идет о земле – родной, своей, которая плод приносит, на которой надо оставить вечный след: как будто что-нибудь останется от нас через одно-другое десятилетие после нашей смерти!

И к третьим посыпает Господь, и эти Ему отвечают: в нашу жизнь вошла земная любовь; я женился, – неужели мне отрываться от этой любви, чтобы вступить в царство другой любви?.. Да, небесная любовь просторней, глубже охватывает всех; но я не хочу этой всеобъемлющей любви, я хочу личной ласки, я хочу одного человека любить так, чтобы никто и ничто на земле не значило бы столько, сколько значит для меня этот человек. Мне недосуг теперь вступать

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org
в вечные чертоги: там любовь безгранична, всеобъемлющая, вечная, Божия, –
а здесь любовь по масштабу моего человеческого сердца: оставь меня,
Господи, насладиться моей земной любовью, и когда ничего больше не
останется, тогда прими меня в чертоги Твоей любви...

И мы так поступаем: мы себе на земле находим труд такой неотложный, что для Божиего дела, для жизни с Богом времени нет. И мы такую любовь находим себе на земле, что до Божией любви нет дела. «Вот придет смерть – тогда успеем»: это все тот же ответ на Божию любовь. Христос говорит: Приидите ко Мне, все тружающиеся и обремененные, и Я упокою вас... Все дам, любовь дам: встретитесь вы, люди Божий, лицом к лицу, – не так, как на земле, туманно друг друга видя, не понимая друг друга, недоумевая, раня один другого. Встанете в Царстве Божием – и все будет прозрачно: и понимание ума, и ведение сердца, и стремление воли, и любовь: все будет, как хрусталь, ясно... А мы отвечаем: Нет, Господи, на это будет свое время: дай исчерпать землю, на которой мы живем... И черпаем, и живем, и кончается тем, что по слову Божию в Ветхом Завете, дав нам все, что она только могла дать, земля обратно берет все, что она сама дала и что Господь дал: ты земля, и в землю отыдешь... И тогда купленное поле оказывается могильным полем, тогда труд, который нас оторвал от Бога, от живых отношений с людьми, от живого отношения с Богом, рассеивается даже и в памяти людей; тогда земная любовь, которая казалась так велика, представляется нам, когда мы встанем в вечности, узкой тюремной кельей... Но ради всего этого мы сказали Богу: Нет! Не Тебя, Господи, – землю, труд, любовь земную хотим мы пережить до конца!..

Мало избранных не потому, что Бог строго выбирает, не потому, что Он мало кого находит достойным Себя, а потому, что мало кто находит Бога достойным того, чтобы поступиться клочком земли, часом труда, мгновением ласки... Много призванных, – все мы призваны: кто же из нас отзовется? Достаточно на любовь ответить любовью, чтобы войти в пир вечности, в жизнь. Неужели мы не ответим на Божию любовь одним словом: Люблю Тебя, Господи!.. Аминь.

30 декабря 1973 г.

Неделя 29-я по Пятидесятнице. Исцеление десяти прокаженных

Во имя Отца и Сына и Святого духа.

Сколько радости и сколько живой благодарности было вокруг Христа! Когда мы читаем Евангелие, мы на каждой странице, в каждой строчке видим, как изливаются на наш грешный, холодный, измученный мир Божия ласка, Божия любовь, Божия милость; как Бог, Христом, взыскивает всех, у кого отяжелела душа, потемнела душа от греха, тех, которые не могут уже нести тяжести своей жизни – по болезни или по другой причине. Как только Христос входит в жизнь людей, эта жизнь начинает искриться радостью, новой надеждой, верой не только в Бога, а в самого себя, в человека, в жизнь. И как мы искааем евангельскую проповедь и евангельское слово, когда мы превращаем свою жизнь в постоянное искашение в себе самого темного, греховного, недостойного ни нас, ни людей, ни Бога, под предлогом, что этим мы стараемся стать достойными нашего Наставника и Спасителя...

Радость была печатью евангельской христианской общины, радость и благодарность, ликование о том, что Бог так возлюбил мир, что не только создал этот мир, но послал в этот мир Сына Своего Единородного – не судить, а спасти мир! Мы спасены, мир спасен любовью Божией.

И это спасение мы должны сделать своим собственным достоянием через благодарность, которая бы выражалась не только в слове, не только в живом чувстве умиления, не только в слезах радости, но в такой жизни, которая могла бы – если можно так выразиться – утешить Отца о том, что Он предал Своего Сына на смерть ради нас, обрадовать Спасителя о том, что не напрасно Он жил, не напрасно учил, не напрасно страдал и не напрасно умер: что Его любовь пролилась в нашу жизнь, и что она составляет нашу надежду, и нашу радость, и наше ликование, и нашу уверенность в спасении...

Поэтому, подходя теперь к празднику Воплощения, Рождества Спасителя, будем учиться этой радости; взглянем на нашу жизнь по-новому; вспомним, сколько Господь излил в эту нашу жизнь милости, ласки, любви, сколько радости Он нам дал: телесной, душевной; сколько у нас друзей, вспомним тех, кто нас

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org любит, родителей, которые нас хранят, если даже они покинули этот мир. Сколько нам дано земного, и как небесное вливается в нашу жизнь и делает землю уже началом неба, делает время уже началом вечности, делает нашу теперешнюю жизнь началом жизни вечной... Научимся этой радости, потому что через очень короткое время мы будем стоять перед яслями, в которых лежит Господь; мы увидим, что такое Божия любовь – хрупкая, беззащитная, уязвимая, отдающая себя без границ, без сопротивления – только бы мы ее приняли и началась бы для нас новая жизнь, новая радость... Подумаем о любви Божией и о том, что никакая сила не может ее победить. Не напрасно говорил апостол Павел, что ничто не может нас вырвать из руки Божией, исторгнуть нас из Божественной любви. Научимся радоваться, и из глубин этой радости строить жизнь, которая была бы сплошной благодарностью, если нужно – крестной, но ликующей радостью. Аминь.

18 декабря 1983 г.

Неделя 30-я по Пятидесятнице. Ответ книжнику о жизни вечной

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Обращаясь к человеку, хотевшему достичь совершенства, Спаситель сказал: Следуй за мной... В то время эти слова были просты; они значили оставить все заботы – семью, работу, призвание, привычки – и пойти вместе со Христом по дорогам Святой земли, будучи свидетелем Его чудес, вслушиваясь в Его слова, делаясь до самых глубин Его учеником и ожидая того, что будет еще впереди, о чем никто не знал, кроме Сына Божия, пришедшего в мир, чтобы жизнь Свою отдать за этот мир.

Но когда эти слова обращены к нам – что они значат? Они не могут значить того физического, телесного следования за Христом по путям и дорогам; но Христос нас зовет за Собой, войти в вечную жизнь. Когда ученики Иоанна Крестителя поставили Христу вопрос: где Ты живешь? – Он ответил: придите и посмотрите... В земном смысле, Он жил в какой-то хижине неподалеку от Иордана; но в каком-то ином смысле, в том смысле, который покорил учеников раз и навсегда, Он, как говорится о Боге в Священном Писании, жил в свете неприступном, в глубинах Божества; в том свете, который озаряет всякого человека, вступающего в мир и грядущего в мир.

И вот Господь нас зовет идти за Собой в эти глубины богоопознания, в эти глубины вечности и жизни. Он Сам нам сказал: жизнь вечная в том, чтобы познать Бога и Сына Его Иисуса Христа, жизнь в том, чтобы так с Ним соединиться, так неразлучно, так глубоко с Ним срастись, стать одно, чтобы мы могли сказать: моя жизнь – Христос; Его учение, Его пути, Его мысли и Его чувства, Его воля и Его судьба – мои, я их принимаю на себя, как крест, как Воскресение, как смерть и как жизнь, и как путь.

Вот что значит следовать за Христом теперь: вслушаться в Его Божественное слово, которое очерчивает, указывает нам путь жизни; и на этом пути, во всем, сколько у нас есть сил – но изо всех наших сил – быть учениками Христа. Но для этого, как и в древности, надо освободиться от всего, что иначе делает нас рабами, связывает, непускает в вечную жизнь. Об этом каждый из нас должен подумать про себя, потому что у каждого из нас есть нечто, что он – хотя не на словах, хотя не сознавая, может быть, того, – предпочитает Богу. Для этого надо глубоко всмотреться в себя и поставить перед собой вопрос: вот, если бы теперь встал передо мной Спаситель и сказал: оставь это, это единственная твоя преграда между тобой и вечной жизнью – что бы мы на это ответили? Оставили бы – или сказали бы: «Не могу, Господи, прости!»?

Вот об этом нам надо подумать, потому что мы все призваны следовать за Христом во славу вечной жизни; это наше призвание: воскреснуть духом, прежде чем в свое время мы воскреснем телом, и войти в тайну Божества, познать Бога, как говорит апостол Павел, подобно тому, как мы сами им познаны, поклониться Ему всей жизнью, всем духом, всей истиной своей. Аминь.

30 января 1983 г.

Слово, произнесенное на Литургии в Минском Свято-Духовом Кафедральном Соборе

Во имя Отца и Сына и Святого Духа.

Любая притча евангельская или реальный рассказ из жизни Спасителя Христа

Воскресные проповеди. Митрополит Антоний Сурожский (Блум) filosoff.org всегда говорят нам не только о прошлом, но и о нас самих.

Когда-то во вратах Иерихона, в придорожной пыли сидел из года в год слепой Вартиимей. Все он сделал в жизни, чтобы прозреть, ко всем обращался – и остался слеп. И оставалось ему – ждать милостыни на пропитание от случайного прохожего, чтобы только провлачить остаток своих дней без голода. Но другой голод его терзал: отчаяние о том, что потерялось зрение, что прекрасный мир, годами видный всем, для него недоступен.

Не так ли бывает с нами? Каждый из нас в какой-то момент жизни, может быть, на одно мгновение увидел нечто от вечной жизни, уловил сияние Божие. Порой это бывает в глазах любящего и благодатного человека: порой это бывает в момент, когда мы причащаемся Святых Таин: порой в молитве: а порой – каким-то чудом, когда мы не ожидаем ничего, вдруг коснется нашего сердца и ума благодать. И сердце загорится, и ум просветлеет, и все кажется возможным. А потом это мгновение потухает, и мы живем изо дня в день, словно ослепли, как Вартиимей, ожидая продления нашего существования от милости людей, – не пожалеет ли нас кто, не проведет ли по сложным путям земной жизни, а может быть, укажет путь в вечность...

В отчаянии и слепоте Вартиимей сидел так много лет. Много толп проходило мимо него, и каждый, может быть, и бросал ему подачку, но зрения он не получал. И в какой-то день прошла особая толпа, необычайная, в ней была какая-то благоговейная тишина. Сердцевиной этой толпы, сердцевиной этой тишины был Некто: Свет, пришедший в мир, Бог, ставший человеком, Тот, у Которого, как говорит Писание, глаголы вечной жизни, слова, открывающие эту жизнь не картинами, а реальным, живым опытом. Вартиимей спросил, Кто же идет. И когда он узнал, что проходит мимо Иисус Христос, и через мгновение пройдет, и уже не станет Его здесь, он начал кричать о помощи, кричать, как кричат только из глубины долголетнего беспросветного отчаяния, зная, что если не теперь, то никогда он уже не прозреет. И Христос остановился. Но вокруг Вартиимея были – люди благочестивые, но которые хотели заставить его замолчать: Молчи! Как ты можешь говорить о своей слепоте, о своей нужде, о чем-то таком земном, когда Спаситель мира говорит о вечной жизни, раскрывает тайны Царства Божия?..

Так бывает и с нами. Когда из глубины долголетнего беспросветного отчаяния о своей собственной слепоте мы вдруг начинаем кричать к Богу, вопить к Нему, разве не приходят нам помыслы, говорящие: Зачем? Стоит ли? Услышит ли Господь? До меня ли Ему дело?.. И вот, как Вартиимей не замолчал, так и нам сквозь этот гомон сомнений, заглушающий нашу мольбу к Богу, надо продолжать кричать: Господи, Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй меня, грешного, помилуй меня, грешную!.. И Господь остановится, и Господь на нашу, как будто малую, боль обратит Свой взор.

Слепота наша не телесная, а душевная, духовная: мы как бы через тусклое стекло видим вечные вещи. Но как дивно было бы открыть глаза и увидеть воочию, ясно Царство Божие, и Христа, и глубины жизни. И вот, только из глубины настоящей нужды можем мы так молить, как молил Христа Вартиимей. Но слово ему сказал Господь, которое и к каждому из нас обращено: По вере твоей, как ты веровал, так тебе и стало... .

И вот мы все, идущие в потемках, ищащие Царства Божия, но, одновременно, так часто заблуждающиеся на земных своих путях, будем изо всех сил – пусть у нас их не много, но изо всех сил без остатка, верить в Божию любовь, верить, что каждый из нас Ему дорог, что цена каждого из нас для Христа, для Бога – это вся жизнь, все страдание, вся смерть Христовы. Каждый из нас Ему настолько дорог, что ради каждого из нас Он всю жизнь излил бы. И поэтому с доверием, с радостью будем вызывать в земной и в вечной нашей нужде: Господи, помоги! Господи, остановись! Взгляни на меня, верни мне зрение, открой мне путь! Будь моим Путем, будь дверью, раскрывающейся в вечность, будь для меня самой Жизнью, и Истиной, и Радостью! Аминь.

6 февраля 1983 г.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!